Ч. 12. Львôвъ дня 15. (27.) Червня 1880. Р. X.

РУСКІЙ СІОНЪ

Начеркъ популярныхъ ôтповѣдей

въ оборонѣ противъ розличныхъ въ нашіи времена религійныхъ, политичныхъ и соціяльныхъ заблудженій, частыхъ выходокъ и легкомысленныхъ розумовань противъ религіи.

Посля Секондо Франко соч. А. Саноцкій.

(Продолж.[1])

ГЛАВА XXII.

О св. причастію.

1. Я не гôдный св. причастія. — 2. Приступаючи часто до св. причастія уменшаемъ честь той св. Тайнѣ приналежную. — 3. Тіи, котрѝ часто причащаются, суть найнезноснѣйшими людьми.

Що тіи, котрѝ религійныхъ обовязкôвъ не выполняютъ, до трапези Господней не приступаютъ, то не трудно поняти, але що шукаютъ вымовокъ и причинъ, щобы себе за то усправедливити и еще другихъ ôтъ трапези Господней отстручити, то никто бы не хотѣвъ вѣрити, еслибы власными очима не видѣвъ. Що имъ то шкодитъ, що другіи до св. трапези приступаютъ? Не лучше бы було, щобы молчали о собѣ, а въ данôмъ разѣ, если житье ихъ негôдне св. причащенія ихъ негôдными дѣлае, щобы хоть другимъ дали въ спокою причащати ся; но они противно чинятъ, а то або зъ заздрости о добро другихъ, або зъ причины, що прикладъ другихъ есть для нихъ упрекомъ, длятого не могутъ терпѣти того, щобы кто тѣло и кровь св. принимавъ, и абы и другихъ ôтъ того ôтмовити, навѣть пôдъ предлогами честными осмѣляютъ ся учити: мы не гôднѝ такъ великого сакраменту, або: надто частое уживанье тогоже уближае чести его, або высмѣваютъ тыхъ, котрѝ го часто принимаютъ. Такимъ способомъ, если бы то ôтъ нихъ не залежало, вскорѣ божественная трапеза булабы опущена; но понеже прецѣнь шкода зъ того булабы чрезвычайно великая, то не можемо въ ніякій спосôбъ молчкомъ перейти фалшу и пôдступу, якій крыеся въ тыхъ честныхъ ихъ предлогахъ.

1. Отже передъ всѣмъ повѣдаютъ они: *мы не гôднѝ такъ святого сакраменту,* а я ôтповѣмъ имъ, що мы о много негôднѣйшіи, якъ

---

[1]) Зри Р. Сіонъ. Рочн. V. стр. 513.

они повѣдають, не тôлько то кажу, но и намацально окажу. Що есть въ тôмъ божественнôмъ сакраментѣ? Есть въ немъ тѣло, кровь, душа, божество нашого Господа І. Христа, есть въ немъ тое прободенное ребро, тое сердце, которе есть солодостію всѣхъ блаженныхъ въ небѣ, суть въ немъ тіи благословенніи руки и ноги, котрі за насъ пробитіи були на крестѣ, есть въ немъ тая божественна кровь, зъ которои выстарчае одна капля, щобы безконечнї свѣты ôткупити, есть тамъ тое тѣло, свѣтлѣйше надъ тысячь солнцъ, тая розкôшъ цѣлого неба и земли. При тôмъ пресв. тѣлѣ есть та велика душа, найвзнеслѣйше дѣло, котре зъ рукъ Бога-Творца произôйшло; суть въ ней найчистѣйшіи чувства, найсовершеннѣйшіи добродѣтели прославившіи Господа, есть въ немъ на конецъ полнота божества съ всѣми его власностями, съ всѣми безконечными досконалостями. То знаходитъ ся въ тôмъ сакраментѣ любви. А що до такого величія, до такого маестату приближити ся може чоловѣкъ — бѣдакъ низкой простой натуры, обтяженый тяжкими грѣхами, хотя бы и якъ найстараннѣйше приготованый — есть то такъ величавимъ явленьемъ, що и самі Серафими тому удивлятися мусятъ, котрі такъ великого Сакраменту негôдными були бы зарôвно якъ и мы. Правдою отже есть, що мы есьмо негôдні, а навѣть о много негôднѣйші, якъ бысьмо гадати могли. Але щожъ зъ того? Чи зъ ôтты можемъ заключати, що мы ôтъ того св. сакраменту, утѣкати маемъ? То булобы найглупшимъ заключеньемъ. Бо чижъ Христосъ, установившій той сакраментъ, не знавъ о великôй нашôй негôдности? А прецѣнь установивъ Онъ его для насъ! Додавъ навѣтъ безвзглядный приказъ, его пріймати. Певно многі христіяне не знаютъ, якъ выразная есть въ тôмъ взглядѣ воля Христа. Онъ не задоволявся тымъ, любовно всѣхъ вѣрныхъ запросити, щобы прійшли до него, обѣцяючи имъ покрѣпленье въ всѣхъ трудахъ, облегченье въ всѣхъ тягостяхъ, Онъ здѣлавъ еще бôльше, и зближивъ ихъ до себе обѣтницею найвысшого добра, якого тôлько желати могутъ люди, — вѣчного щастя: „Ядый мою плоть и піяй мою кровь, иматъ животъ вѣчный“, а понеже то для многихъ твердѣйшихъ еще не було досыть, обявивъ Онъ велике свое желанье, щобы пôдъ найострѣйшими карами никто ôтъ него не оттягався: „Аще не ясте плоти Сына человѣческаго и не піете крове его, живота не имате во себѣ.“ (Іоан. VI. 54, 55.) Щожъ то за така покора, котра противится Божимъ намѣренямъ, котора не поважае Божихъ розпоряджeній, не пріймае его запросинъ, не дбае о Его обѣтницѣ, а навѣть упираеся угрозамъ Христа? Есть то особлившого рода покора, обявляючася непослушеньствомъ и бунтомъ противъ Божому розказу!

Але церковь — закидаютъ они — задоволяеся тымъ, щобы тôлько разъ въ рôкъ до св. Евхаристіи приступати. А длячогожъ вы, ôтповѣдаю вамъ, принайменьше разъ въ рôкъ до неи не приходите? Если вы обовязокъ такъ ясно понимаете, то й выполняйте го; но то не правда есть, що церковь тымъ ся задоволяе. Есть то велика рôжниця, конечностію примушенымъ бути и на щось пристати, а зъ чогось задоволенымъ бути. Церковь жадае, щобы всѣ вѣрні часто св. Тайнъ причащалися, но понеже не може у всѣхъ того осягнути, то хоче, щобы они хоть разъ въ рôкъ тое дѣлали, пôдъ карою еи гнѣву и выключе-

ня. Церковь дѣлае тутъ такъ само, якъ любящая мати съ своимъ хорымъ дитятемъ, которе бридится всѣхъ стравъ. Ѣджь, повѣдае она, хоть одробиночку зъ любви для мене и абысь зъ голоду не умерло; чи не видитъ кождый, що мати хотѣла бы, щобы оно було здорове, якъ другіи, и не ôтолько щобы при житю зôстало, но и поживнѣйшіи потравы споживало, крѣпилося и росло? Намѣреня церкви пôзнаемъ зъ оголошеныхъ нею установъ, зъ уложеныхъ нею канонôвъ, зъ еи соборôвъ, зъ наукъ еи Отцѣвъ и Учителей, зъ житьеписей Святыхъ, котрѝ то суть тыми улюблеными дѣтьми, котрѝ въ ей духу найбôльше участь брали. Всѣми тыми голосами кличе насъ церковь, щобысьмо часто хлѣбъ ангельскій споживали. Отцы и Учителѣ упоминаютъ насъ найживѣйшими выразами; святѝ кромѣ живого прикладу, который намъ зôставали, препоручали въ своихъ наукахъ часте причащанье св. Тайнъ зъ всѣхъ силъ; нашіи першіи Отцы въ вѣрѣ приступали майже що день до Господней трапезы, а цѣлая въ Тридентѣ собрана церковь заявила торжественно горяче желанье, чи не моглибы процвисти тіи щастливѝ часы назадъ, коли то вѣрніи щоденно Божественный хлѣбъ вкушали.

Затѣмъ не правдою есть, що разъ въ роцѣ причащатися есть мѣрою, що такъ выражуся, приписаною ôтъ церкви, противно есть то крайною границею, яку церковь терпитъ, а поза котору она свои цензуры кидае. Едина правдива консеквенція, яку зъ чувства ихъ негôдности вносити можна, лежитъ въ тôмъ, що мы не безъ приготованя до того сакраменту зближатися повиннѝ, но на ихъ нещастье есть то единою консеквенціею, котору переступаютъ овѝ, що такъ много о нихъ говорятъ, бо звычайно они то суть, котрѝ по пережитôмъ въ тяжкихъ грѣхахъ року бôльше для формальности, якъ зъ щирого желаня, зъ грѣхôвъ отрястися, приступаютъ до намѣстника Божого. Отправили же тогды — Богъ вѣсть якъ свою сповѣдь, такъ жадаютъ заразъ, щобы ихъ священникъ въ сей часъ безъ жадныхъ взглядôвъ до трапезы Господной припустивъ, наколи они, же такъ скажу, еще теплѝ суть ôтъ беззаконій, згôршеній и грѣхôвъ, якими осквернилися. И горе священникови, который для ихъ добра розрѣшенье имъ на якійсь часъ ôтложитъ. О тогды кидаются якъ линъ въ болотѣ, тогды грозятъ, опираются, присягаютъ, що николи до сповѣди не прійдутъ, такъ якъ бы они ласку Богу робили, если сповѣдаются, замѣсть щобы имъ мавъ Богъ тую удѣлити въ превеликôмъ своимъ милосердію. Длятого приступаютъ они часто до того Божественного стола безъ щирого жалю за грѣхи, безъ постановлѣня поправы и уникани злого, а такъ выполняютъ они свôй обовязокъ тôлько матеріяльно, и давъ бы Богъ, щобы кромѣ беззаконій своего звыклого житя не пополняли еще и святотатства. Противно же кто достойнѣйше приступае до стола Господнѣго, якъ не тіи, котрѝ часто до него приходятъ? Тіи або заховуютъ еще живо въ собѣ скарбъ ласки освящаючой полученый въ послѣднôмъ св. причастію, котре еще недавно прійма̂ли, або если и стратили го нещастливымъ способомъ, то певно не грязнутъ такъ глубоко въ болотѣ грѣховнôмъ, якъ той, що ôтъ того св. сакраменту сторонитъ; длятого ôтзыскуютъ они въ тайнѣ покаяня лекше ласку Божу, тое то строго потребне до св. причастія условье, и имъ не такъ трудно приходитъ,

взбудити въ собѣ актъ покоры, страху Божого, любви и скрухи, котрй суть найважнѣйшимъ приготованьемъ и вымогами до доступленя бôльшихъ користей. Тому то дѣеся въ практичнôмъ житю прямо противно ôтъ того, що тіи мудрагелѣ твердятъ. Я не ходжу такъ часто до св. причастія, мудруютъ они, бо я не гôдный. Але ты сынку власне длятого негôдно идешь до св. причастія, бо не досыть часто причащаешся. А впрочемъ чи то ажь тôлько причинъ потреба для католикôвъ, щобы до Христа въ св. причастію зближатися. Если бы онъ жадного приказу не давъ, а тôлько желанье обявивъ, не моглибы удалятися ôтъ него тіи, кортй носятъ въ сердцю дорогоцѣнный даръ вѣры. Если нѣжне чувство, чувствительнôсть и добре серце, яке свѣтъ на показъ носитъ, не есть тôлько пустымъ блескомъ, гримасомъ, скрытымъ лицемѣрьемъ, ктожь мавъ бы горячѣйшу любовь и теплѣйшй чувства взбудити, якъ не Христосъ въ найсвятѣйшôмъ сакраментѣ? Якъ же? Не есть же тутъ зъ любви для насъ роздробленый, уничтоженый и не тôлько пôдъ видомъ человѣчимъ, но и пôдъ заслоною мертвого творива скрытый Богъ? Не есть Онъ сталымъ вязнемъ любви, который тôлько для насъ день и нôчь въ цыборіяхъ замкненъ есть.

Чи не правда то може, що въ той цѣли найудивительнѣйшіи чудеса своей всемогущности, найглубочайшіи тайны безконечной премудрости, невымовно нѣжну любовь безграничной доброты употребляе? Якъ великихъ офѣръ все то вымагае! Не правда то може, що Онъ, щобы въ насъ перебувати, ничтожнымъ людямъ власть дати мусѣлъ, зъ неба на землю скликованымъ, негôдными ихъ руками дотыканымъ, ôтъ нихъ стереженымъ бути, а навѣть холоднокровно рôвнодушныхъ, нечестивости безбожныхъ, святотацтву, оскорбленямъ своихъ ворогôвъ выставленымъ бути? А чижь все то дѣеся для его добра або користи, чи бôльше зъ найчистѣйшой любви для насъ, для спасеня душъ нашихъ? Що бôльше, Онъ не задоволився тымъ, бути съ нами, що вже булобы такъ великимъ добромъ. Онъ хотѣвъ навѣть того такъ тѣсного, такъ нѣжного, такъ прекрасного, такъ невымовного соединеня съ нами, яку цѣла церковъ подивляе, Ангели святымъ способомъ намъ заздростятъ, небеса о немъ радуются. И такъ глубокіи пропасти и чудеса любви еще не суть въ станѣ розвѣяти наше рôвнодушье, недбальство, упôръ, непокорливôсть, непослушеньство, еще суть не способными загрѣти насъ до малой взаимной любви? О! не вѣръ, мôй милый читателю, тымъ нещастливцямъ, що то величаются высотою своихъ мыслей, величавостію своихъ понятій, великодушьемъ и добрымъ сердцемъ, если они николи и ничого зъ божественного величія тыхъ таинствъ не розумѣли, если жадна струна ихъ сердця не ударила для такъ милосердного Бога. Були иннй великодушнй сердця, котрй якъ вôскъ ôтъ тепла розплывались притомностію Христа утаеного въ сакраментѣ, великодушіе же тутъ згаданыхъ хвастунôвъ — то театральна комедія и романтична чувствительнôсть! И власне для того суть они найнещастлившіи, бо коли о Христа не дбаютъ, перетерпятъ въ самôмъ грѣсѣ тôмъ кару, — житье безъ Христа въ теперѣшности, а если не опамятаются, и въ будучности. (Дальше буде.)

Слово на недѣлю II. по Сош. св. Духа.

Въ нынѣшній день поста, установленого въ честь и память двохъ Верховныхъ Апостолôвъ, св. церковь предложила намъ, бр., благовѣствованье о однôмъ событію изъ дѣяній первыхъ учениковъ и послѣдователѣвъ Господа нашого, — о призваню Апостолôвъ. Остановѣмъ на немъ увагу нашу.

Ходя Христосъ при мори Галилейстѣмъ, пишеся въ Евангелію, *видѣ два брата, Симона, глаголемаго Петра, и Андрея брата его, вметающа мрежи въ море, бѣста бо рыбаря. И глагола има; грядита по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ. Она же абіе оставльша мрежи, по немъ идоста. И прешедъ оттуду*, — иншій случай еще зъ двома братьми, — *видѣ ина два брата: Іакова Зеведеева и Іоанна брата его въ корабли съ Зеведеомъ отцемъ ею, завязующа мрежи своя, и воззва я. Она же абіе оставльша корабль и отца своего, по немъ идоста.* (Мат. 4, 18—22.)

Видимо съ того, съ якою надзвычайною легкостію совершилося такъ трудне дѣло Христіяньске — оставленье всего и послѣдованье за Спасителемъ; якъ тіи простіи рыбарѣ, щó не училися ніякой исторіи, не чули бесѣдъ о великихъ дѣлахъ мужѣвъ, прославленыхъ свѣтомъ, на одинъ голосъ Господа, рѣшилися на такъ велике самоотверженье, и тымъ здѣлали такъ высокій мужественный подвигъ. Господь сказавъ имъ: *идите за мною*, и они сейчасъ, оставивши всё, що мали — и сѣти, и корабель, и ôтця — *по немъ идоша*. Такъ то, бр., великіи душѣ, — люди, щó производятъ найбôльшіи дѣла въ свѣтѣ, часто знаходятся не тамъ, где ихъ свѣтъ шукае; воспитуются и усовершаются не тыми средствами, котріи одобреніи и принятіи свѣтомъ. Деколи проста, никому не знана хатина, и ремесло совсѣмъ не завидне, по волѣ Божôй, образуютъ такихъ дѣятелѣвъ, котріи, стаючи на поприще свѣта, производятъ въ немъ найбôльшіи перевороты. Гедеонъ бувъ хлѣборобомъ и молотивъ пшеницю на гумнѣ своимъ; но завôзваный ôтси Господомъ, ôнъ явився превосходнымъ полководцемъ, и освободивъ ôтчину ôтъ ворогôвъ. Іосифъ зъ початку бувъ пастыремъ стадъ у ôтця свого, потôмъ рабомъ, потôмъ темничнымъ узникомъ, а наконецъ управителемъ цѣлого Египта. Давидъ бувъ такожь зъ початку пастыремъ овецъ; но потôмъ стався однымъ зъ наймудрѣйшихъ и найзнаменитшихъ царѣвъ Израильскихъ. О дѣлахъ Апостолôвъ примѣчае самъ Апостолъ: *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ.* (І. Кор. І, 27. 28.)

Тутъ потреба застановитися и подумати зъ жалёмъ: длячого многіи изъ людей такъ дуже хвалятся высокимъ родомъ, домагаются обширныхъ звязей, шукаютъ покровительствъ, уживаютъ всякихъ выдумокъ, хитрости, пôдхлѣбленя, униженя або насилія, щобы позыскати значительнôсть въ свѣтѣ, коли они не увѣреніи, чи призначивъ ихъ Богъ до знатности? Длячого, не будучи свѣдомыми въ собѣ великой души и великихъ дарованій, посягаютъ на великіи предпринятія? Для чого оставляютъ свôй жребій, свôй станъ, не питаючися: чи зове ихъ

на то Богъ, чи хоче Начальство? Скажешь: „многи̑ примѣры и опыти доказуютъ, що смѣлôсть, предпріимчивôсть и рѣшительнôсть двигнули шукаючихъ на верхъ славы и щастя. Есть люди, що зъ разу ничимъ не були, но потôмъ рôжными предпринятями прійшли до огромного богацтва. Но, люб. сл., чи не бôльше такихъ примѣрôвъ и людей, котри̑ стараючися придбати много, тратятъ послѣдне; котри̑ оставляючи свое, а шукаючи чужого, не найшли ни того ни другого; котри̑, выбившися изъ свого круга, и стараючися вступити въ чужій, вихромъ жизни носятся изъ краю въ край, и не знаходятъ мѣстця, где бы успокоитися ôтъ непрерывного круженя? Впрочемъ положѣмъ, що щасливцѣ ти̑, або хитростію або напружеными трудами змогли придбати богацтво, честь, славу, жіютъ пышно, веселятся що-дня свѣтло. Однакожь не забуваймо кôньця ихъ; многи̑ чимъ высше въ гору взбилися, тымъ глубше падали; многи̑ стояли на верху щастя, но прійшовъ ихъ часъ, и судьба съ такою силою повергла ихъ въ дôлъ, що по нихъ и пороху не осталося. Може бути, ты самъ, люб. сл., видѣвъ подôбни̑ примѣры; и якъ часто случаеся повторяти, дивлячися на дѣла людски̑ тіи слова Писанія: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Видѣхъ нечестиваго, превозносящася и висящася, яко кедри ливанскія: и мимоидохъ; и се не бѣ, и взискахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.* (Пс. 36, 35. 36.)

Есть однакожь правдиве величіе и знатнôсть, котрои кождый може и повиненъ домагати ся, — и знатный и не знатный, и съ котрои чоловѣкъ николи не падае; есть предметъ которого чоловѣкъ повиненъ всё оставити, що бы ни мавъ дорогоцѣнного и любого: то — послѣдованье за Господемъ и Спасителемъ. Въ нынѣшнôмъ Евангелію видимо, що Апостолы всё оставили для того, щобы послѣдовати за Іисусомъ Христомъ. И кождый Христіянинъ повиненъ слѣдовати за своимъ Господемъ, якъ тѣнь за тѣломъ; ни̑ богацтво, ни земна знатнôсть, ни рôдъ — ничо не повинно здержувати его. Бо самъ Господь высказавъ Христіянинови заповѣдь: *Иже любитъ отца или матеръ паче Мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть мене достоинъ. И иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ.* (Мат. 10, 37, 38.)

Боже великій! Не укрываемо передъ Тобою, якъ тяжка, навѣть, якъ страшна для насъ грѣшныхъ тая заповѣдь Твоя, майже ôтнимаюча у насъ всё, що мы почитаемо яко найлучшимъ и незмѣннымъ въ нашôй природѣ! А однакожь она правдива, бр. мои; коли не оставимо всёго, и не передамо самыхъ себе совсѣмъ Господеви, ми не будемо достойни̑ Господа нашего. Бо перше нѣжь давъ, Онь самъ сповнивъ тую заповѣдь въ цѣлôй еи строгости и обширности. Онъ самъ ôтказався ôтъ всѣхъ радостей жизни; маючи повне право и по святѣйшому чоловѣчеству на славу и блаженьство, а ôтдався на терпѣня всякого рода, лишеня и скорбы; Господь всей твари здѣлався рабомъ, *праведникъ со беззаконными вмѣнися,* и перетерпѣвъ крестну смерть, — а всё то робивъ для насъ грѣшникôвъ, для нашого спасеня и щастливости. Якъ же мы думаемо бути достойными его, не пожертвовавши ему всё, що у насъ есть? Мы дорожимо нашою землею: но хибажь она лучша неба? Дорожимо своими великими домами, дорожимо сродниками

и другами (если тôлько дорожимо): но хибажь они лучшй ôтъ Ангелôвъ и обителей Отця небесного? Дорожимо земною знатностію и богацтвомъ, но хибажь они лучшй ôтъ славы Отца небесного и тои невысказанои щасливости, на котру мавъ право Спаситель нашь, *но богатъ сый, насъ ради обнища?* Ахъ, нѣ, бр. мои! Хотя бы мы владѣли цѣлымъ свѣтомъ, и хотя бы весь той свѣтъ принесли въ жертву нашому Спасителеви, и тогды бы наша жертва була ничимъ въ порôвнаню его жертвы для насъ.

Зъ другои стороны, — оставити всё и послѣдовати за Спасителемъ мы уважаемо труднымъ для того, що нехочемо почислити, кôлько то жертвъ приносимо мы свѣтови и своимъ переступнымъ похотямъ, и якъ часами страшнй бываютъ тіи жертвы. Глянь кождый на себе и скажи: куда дѣвае ôнъ всю жизнь свою, свое здоровье, силу, непрерывный трудъ? Чи не на жертву тôй або другôй пристрасти? Дорога для кождого зъ насъ честь; но чижь не часто многй жертвуютъ ю скверному зыскови, або угодженю тѣла, пробѣглостію домагаются того, чого они не стоятъ? Дорога правда: но чижь не часто першій лучшій случай вызыскати, якъ говорятъ, дѣлае кождого несовѣстнымъ? Дорога совѣсть: бо назви кого несовѣстнымъ, ôнъ буде мститися и шкодити тобѣ, якъ тôлько може, а на дѣлѣ ôнъ не повстыдаеся обманути тебе, то мѣрами, то вагами, то пôдъ позоромъ законныхъ требований, укрываючи собѣ бôльшу часть изъ общого добра, або по выраженю писаня, *пожирая хлѣбъ сироты, и снѣдая плоть убога и вдовицы.* Дорогій законъ и довѣрье начальства, но бр. мои! чимъ бôльше злоупотребляютъ въ свѣтѣ, якъ законами? Що бôльше обманюютъ якъ ие довѣрье власти? Чижь не жертвы тое всё, и чижь не жертвы дорогоцѣннй? И чомужь? чому? Ты самъ люб. сл., видишъ, якимъ идоламъ всё у насъ съ тобою приносится!

Такимъ то образомъ всё, що у насъ есть, ôтдаемо свѣтови и плоти своей; всё оставляемо, що самй уважаемо дорогоцѣннымъ, для своихъ страстей — користолюбія, честолюбія, пустои славы и пр.; для всякои пустои похоты суть у насъ великй жертвы. Тôлько для Тебе одного, Спасителю нашъ, нема у насъ ни жертвы, ни приношеня, нѣ, и чижь и николи не буде?...

Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, каже Господь. То значитъ: кто хоче спасти свою душу, бути зъ Господемъ въ жизни вѣчнôй, той конечно муситъ бути зъ Нимъ ту и на пути креста и самоотверженя. Аминь.

Слово св. Отца Августина

на рождество св. Іоана Предтечи.

Нынѣ празднуемо, возл. бр., рождество святого Іоана; така честь, о скôлько знаемо, не оказуеся ни одному святому. Тôлько рождество Господа нашого, Пресвятои Матери его и св. Іоана почитае и празнуе цѣлый свѣтъ Христіяньскій. То длятого, що Іоанъ родився ôтъ

неплоднои; а Христа зачала Дѣва. Одно и друге чудомъ есть: въ Елисаветѣ побѣджено неплодность, въ блаженной Маріи побѣджаются самй правила природы. Но Елисавета познавши мужа, родила Сына; Марія зачала повѣривши благовѣстію ангела. Елисавета зачала чоловѣка, Марія — Бога и чоловѣка.

Ктожь то той Іоанъ? Отки приходитъ онъ? Кимъ предпосланый? То той великій Іоанъ, о величію котрого засвѣдчивъ самъ Спаситель нашъ, кажучи: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоана Крестителя.* (Мат. 11, 11.) Онъ всѣхъ перевысшае, передъ всѣми мае первеньство; перевысшае патріархôвъ, пророкôвъ; каждый, кто тôлько рodженый отъ жены, низшій отъ Іоана.

Скаже кто-нибудь: коли Іоанъ бôльшій отъ всѣхъ рodженыхъ женами, то онъ бôльшій и отъ Спасителя? Такъ не есть. Іоанъ сынъ жены; Христосъ сынъ Дѣвы. Іоанъ выйшовъ изъ нѣдръ женьскои утробы; Христосъ есть плодъ непорочныхъ ложеснъ. Рождество Господа длятого тôлько порôвнуеся съ рождествомъ Іоана, щобы Господь, черезъ порôвнанье явився не чужимъ природы людскои. — Если Іоана порôвнати съ прочими людьми, то онъ, яко пôсланый передъ Богомъ такъ великій, такъ исповненый блягодати, що его почитали за самого Христа. Но, що самъ онъ говоритъ о Христѣ? Онъ говоритъ: *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ.* (Іоан. 1, 16.) Ктожъ то всѣ? Всѣ пророки, патріархи, апостолы — всѣ святй, и до вочеловѣченя бувшй, и Вочеловѣчившимся уже пôсланй. Всѣ мы отъ повноты Его приняли: мы сосуды, а онъ источникъ. Такъ отже, бр., если тôлько мы розумѣемо таинство, — Іоанъ чоловѣкъ, а Христосъ Богъ. Най унижится чоловѣкъ, най превознесеся Богъ; бо такъ говоривъ о Христѣ и самъ Іоанъ: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малѣтися.* (Іоан. 3, 30.) Най унижится чоловѣкъ, — Іоанъ родився тогды, коли дни начинаютъ уменшатися; най превознесеный буде Господь, — Христосъ родився, коли дни зачинаютъ збôльшатися. Тутъ велике таинство, люб. братя! Для того то мы и празнуемо день рождества Іоана, якъ и рождества Іисуса Христа, що тое и друге рождество есть тайна: одно — тайна униженя, друге — тайна возвысшеня нашого. Длятого умалѣмся въ чоловѣцѣ, щобы возвеличитися въ Бозѣ. Умалѣмся въ собѣ самыхъ, щобы превознестися въ Немъ. Най смирится людска гордôсть, най возвеличится Боже милосердіе. Тое само таинство отрылося и въ страданію обохъ. Най умалится чоловѣкъ, — Іоанови отсѣкаеся голова; най превознесеся Богъ, — Іисусъ возносится на древо.

Но длячого Господь и Спаситель нашъ назвавъ св. Іоана свѣтильникомъ, и длячого изволивъ пôслати его передъ Собою? Если угодно, я коротко предложу то любвѣ вашôй. Іоанъ бувъ пôсланый передъ Іисусомъ, якъ голосъ передъ словомъ, якъ свѣтъ передъ солнцемъ, якъ слуга передъ паномъ, якъ другъ передъ женихомъ. Понеже мрака грѣхôвъ и нôчь невѣрія покрывали весь свѣтъ, и люди не могли взирати на солнце правды: то св. Іоанъ пôсланый бувъ напередъ, якъ свѣтильникъ, щобы очи сердця, — до того помраченй злобою, що не могли зносити правдивого и великого свѣта, — привыкли перше до слабого сіяня свѣтильника, и тогды вже, — по удаленю мраки грѣховнои, по розсѣяню облака невѣрства, радôстно и безъ болю, а не съ

трудомъ, взирали на небесне свѣтло, що́ прійшло до насъ въ Христѣ. Слабŷ очи привыкаютъ до свѣтла, если напередъ ставлятъ передъ ними слабе свѣтло свѣтильника; противно, коли ôтъ разу звертаютъ ихъ до дневного свѣтла, то причиняютъ страданье и бôль. Такъ, еслибы Господь и Спаситель нашъ, котрый есть правдивымъ свѣтломъ, не пôславъ напередъ св. Іоана, яко свѣтильника; то цѣлый свѣтъ не мôгъ бы знести блеску свѣтла его.

Но нехай говоритъ самъ Іоанъ: *Азъ есмъ гласъ*, говоритъ ôнъ, *вопіющаго въ пустыни*. (Іоан. 1. 23. см. Мат. 3. 28.) Онъ бувъ *гласъ* — позаякъ исповненый бувъ Духомъ Божественного Слова. Якъ слово, посредствомъ голоса переходитъ ôтъ говорячого до слухаючого: такъ Іоанъ, возвѣщаючи Христа, бувъ якобы провôдникомъ Слова. Святый Іоанъ въ своей особѣ представлявъ образъ закона, котрый здалеку изображавъ Христа символами и знаками; длятого и посылавъ ôнъ до Христа двохъ ученикôвъ своихъ. Може бути, два ученики пôсланŷ Іоаномъ до Христа, представляютъ два народы, котрŷ увѣрили въ Христа, т. е. Юдеѣвъ и Язычникôвъ. Іоанъ посылае до Христа,— т. е. законъ провадить до благодати, евангельскою вѣрою хоче утвердити давну истину. И такъ, возл. бр., коли хочемо той священый день празновати не въ тѣлеснôй тôлько, но и въ духовнôй радости, то приготовѣмъ, о скôлько можна, сердця нашŷ до подаваня милостынѣ, и до сохраненя мира зъ всѣми. Зъ любви до Бога и ревности до святынѣ, всѣми силами постараемся не тôлько себе самыхъ, но и семейства нашŷ и другихъ удержати ôтъ всякого пустословія и постыдныхъ рѣчей, не позволимо никому блудными пѣснями осквернити святе торжество. Бо тогды тôлько святый Іоанъ може получити для насъ то, чого будемо просити у него, коли увидитъ, що мы совершаемо празникъ его въ мирѣ, воздержности, непорочности и чистотѣ.

Най даруе намъ то Господь Іисусъ Христосъ живучій съ Отцемъ и святымъ Духомъ и царствуючій въ вѣки! Аминь.

Слово на день св. Апост. Петра и Павла.

Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ, яко да не похвалится всяка плоть передъ Богомъ. (1. Кор. 1, 27. 28. 29.)

Тыми словами св. Апостолъ Павелъ представляе, бр., той дивный спосôбъ, котрымъ совершивъ Богъ велике и чудесне дѣло покореня вселенной для принятя вѣры Христовои. Въ день св. Апостол. Петра и Павла, котрыхъ церковь называе Верховными для того, що они особенно передъ другими потрудилися въ тôмъ спасительнôмъ дѣлѣ, одинъ — яко Апостолъ обрѣзанныхъ, другій — яко Учитель язычникôвъ, предстоитъ намъ звернути на тое свою увагу, и объяснити тŷ слова Апостола.

Буяя міра избра Богъ: оное перве свойство, котрого вымагавъ Богъ въ проповѣдникахъ святого Евангелія своего. Онъ выбравъ *буихъ*

т. е. простыхъ, неученыхъ, необразованыхъ, не познакомленыхъ зъ науками и искуствомъ въ словѣ и высшôмъ мудрованю. Такими були и всѣ св. Апостолы. Однӣ зъ нихъ взятӣ изъ рыбарѣвъ, другӣ изъ мытарѣвъ, котрыхъ самӣ занятя даютъ розумѣти, що просвѣщенье и ученôсть не були ихъ удѣломъ; прочӣ були изъ Галилеѣ, котру въ цѣлôй земли Юдейскôй уважано яко найменше просвѣченою областію, а жителѣ ей у Пророка именованӣ людьми, *сѣдящими въ тмѣ, въ странѣ и сѣни смертной.* Одинъ тôлько Апостолъ Павелъ объучився бувъ всеи мудрости книжникôвъ и фарисеѣвъ, воспитаный черезъ знаменитого ученостію Гамаліила. Но що значила вся тогдашна ученôсть Фарисеѣвъ въ порôвнаню зъ просвѣщеньемъ Грекôвъ и Рымлянъ, и що були школы Юдейскихъ книжникôвъ въ порôвнаню съ школами Плятонôвъ и Аристотелесôвъ? Притôмъ и тую ученôсть, яку мавъ св. Павелъ, ôнъ оставивъ съ именемъ Савла и ничимъ ю уважавъ, скоро стався Апостоломъ; для того и самъ говоритъ о собѣ, що ôнъ *невѣжда словомъ,* що ôнъ благовѣститъ не *въ премудрости слова и не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ.* И щожь? *Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ.* Тіи простӣ, неученӣ и необразованӣ рыбарѣ, мытарѣ, посоромили всѣхъ мудрцѣвъ и философôвъ. Якимъ чиномъ? По перше: тогды якъ мудрцѣ и философы при всей своей учености, разомъ зъ цѣлымъ людскимъ родомъ самӣ погруженӣ були въ тьму незнаня правдивого Бога и черезъ премудрôсть не пôзнали его но почитали тваръ за Бога; тогды якъ они занималися численьемъ звѣздъ небесныхъ, и слѣдили дороги планетъ, въ той часъ повзалися по земли въ нечистыхъ похотяхъ и порокахъ, и не знали дороги до правдивого добра свого, — тіи простӣ и необразованӣ люди, безъ науки и просвѣщеня свѣтового, принесли вселеннôй правдиве Богопôзнанье, совершеннӣ правила добродѣтели, и указали вѣрну дорогу не тôлько до дочасного добра, но и вѣчнои щасливости. Дальше: — тогды якъ не многӣ лучшӣ изъ мудрцѣвъ и философôвъ, хотя самӣ мали лучшӣ понятія о Бозѣ, о души и добродѣтели, но або могли передати тіи понятія только не многимъ выбранымъ, способнымъ розумѣти ихъ, або мусѣли совсѣмъ задержати ихъ въ тайнѣ, щобы не стягнути за то гоненій и самои смерти; и такимъ способомъ оставалися майже безъ всякого добротворного вліянія на родъ чоловѣческій, — тіи, т. е. рыбарѣ и не образованӣ люди, съ торжествомъ и свѣтлымъ успѣхомъ несли всюды свою спасительну науку, смѣло проповѣдали и передали людямъ самӣ высокӣ догматы вѣры, и строгӣ правила добродѣтели, и притôмъ не однôй тôлько якôй будь клясѣ людей, не одному званію, не одному полу и возрасту, а всѣхъ безъ изъятія научили слова Божого, и дѣтей, и невѣжихъ варварôвъ, и нечестивыхъ и переворотныхъ. Наконецъ: тогды якъ высока мудрôсть и философія разомъ съ другими хитростями ôтвѣчного ворога спасеня людского, вооружилися всею силою учености, мудрованя и краснорѣчія противъ простыхъ и неученымъ рыбакôвъ и ихъ ученикôвъ, — тіи послѣднӣ, хотяй були *и невѣжды въ словѣ,* перемогли, побѣдили ихъ, и коли всѣ школы философскӣ давно вже упали и счезли, — св. церкви Христовӣ, де проповѣдуеся наука рыбакôвъ, доси стоятъ и процвитаютъ, и будутъ стояти и процвитати до кôнця вѣка. *Такъ обуи Богъ премудрость міра*

сего; такъ буее Божіе явылось премудрѣе человѣкъ; такъ буіи посрамили премудрыхъ! И длятого то Апостолъ кличе съ Пророкомъ: *гдѣ премудръ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего?*

И немощная міра избра Богъ — продовжае Апостолъ. Ото друге свойство проповѣдникôвъ Евангелія. Богъ выбравъ *немощныхъ*, т. е. не мужѣвъ знаменитыхъ воинскими подвигами и досвѣдченыхъ въ борбѣ, анѝ навѣть просто вооруженыхъ, но совсѣмъ не обзнакомленыхъ зъ военною штукою, безсильныхъ, безъоружныхъ. Такими и були св. Апостолы, и якъ приказавъ имъ Господь Іисусъ Христосъ не тôлько ходити съ словомъ благовѣстія безъ оружія, но навѣть не брати зъ собою *ни пиры, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла*, и грозивъ навѣть що *пріимшіи ножъ ножемъ погибнутъ*, такъ и исповнили они. Никто изъ нихъ не носивъ оружія, и не уживавъ насилія и примусу, щобы еаставити приняти свою науку. Впрочемъ мало того, що Апостолы були не воины и безъоружнѝ, мало того, що они не нападали силою на людей, но — они и самѝ не боронили себе ôтъ насилій и не ôтражали безчисленныхъ и смертельныхъ нападôвъ на себе. Ихъ вязали, вкидали до темницѣ, ссилали на выгнанье, мучили и убивали, — а зъ ихъ стороны не було найменшого супротивленя. И щожъ? *Немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая.* Ихъ обтяжали узами, — но слово Боже не вязалося въ устахъ ихъ, а середъ самыхъ узôвъ росло и убôльшалося тысячами число ученикôвъ ихъ. Ихъ вкидали въ темницѣ, но они темницѣ тіи перетворювали въ храмы Божѝ, где проповѣдали свою науку, крестили вѣруючихъ ихъ слову, и хвалили Бога. Ихъ ссилали на выгнаня, — но тое було для нихъ случаемъ якъ можна дальше занести свое благовѣствованье. Ихъ мучили, — но скорше вычерпувалося терпѣнье мучителѣвъ, нѣжь ихъ мужество, и не доставало орудій для мученій, нѣжь у нихъ терпѣня. Ихъ убивали, — но кровь ихъ по словамъ одного учителя церкви, (Тертуліяна) була сѣменемъ, изъ котрого пôднимались тысячѣ новыхъ исповѣдникôвъ голошенои ними вѣры Христовои. Наконецъ всѣ крѣпкѝ упали: гонителѣ и тираны, огнемъ и мечемъ и безчисленными муками, якѝ тôлько самъ адъ мôгъ выдумати; тіи щó силилися выгубити немôчныхъ, ничого не успѣли, и язычество котрого боронили, погибло, а тіи немôчнѝ, безъоружнѝ и убиваемѝ свѣтло побѣдили, и земля исповнилася знаня Бога, ними проповѣданого. Такъ *немощное Божіе явилось крѣпчае человѣкъ*, и немôчнѝ побѣдили крѣпкихъ!

И худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая, — продовжае Апостолъ. Ото ще одно свойство, котрого вымагавъ Богъ въ прдповѣдникахъ Евангелія свого. Онъ выбравъ *худородныхъ, уничиженыхъ* и якобы *не сущихъ*. Такими и були св. Апостолы. Они були *худороднѝ*: бо не ôтзначалися высокимъ родомъ и славными предками, но походили ôтъ простыхъ рыбарѣвъ, мытарѣвъ, навѣть зовсѣмъ незнаныхъ родоначальникôвъ. Они були *уничиженѝ*: позаякъ були люди не богатѝ не украшенѝ почестями и отличіями свѣта, но противно крайно бѣднѝ и всѣми погордженѝ, якъ самъ говоритъ о собѣ св. Павло: *мы безчестнѝ, до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся дѣлающе своими руками, укоряеми, гоними, хулими.* Они наконецъ були якъ бы *не су-*

щи, т. е. ничтожнѝ люди, котрѝ не мали нiякого влiянiя и нiякои власти въ народѣ, нiякого значеня въ свѣтѣ, котрыхъ никто знати не хотѣвъ, и на котрыхъ никто не звертавъ уваги. *Богъ ны посланники послѣднія яви яко насмертники*, говоритъ Апостолъ; *якоже отреби мiру быхомъ, всѣмъ попранiе доселѣ, позоръ быхомъ Ангеломъ и человѣкомъ*. Но — *худородная мiра и уничиженная избра Богъ и не сущая, да сущая упразднитъ*. Ктожь то тѝ *сущи?* Люды надменнѝ знатнымъ походженьемъ, посѣдаючѝ всякѝ богацтва, ôтличеннѝ почестями и почтеннѝ властiю общественною, царѣ, вельможѣ. *Худородни, уничижени и не сущи* побѣдили ихъ: бо, тогды якъ они нѝ высокимъ родомъ, нѝ богацтвомъ нѝ властiю своею не могли пôддержати упадаюче язычество, и тогды якъ слава и власть ихъ и сама память давно щезла, — слово Евангелiя, проповѣдане *не сущими*, т. е. Апостолами, розпространилося по цѣлôй земли: всѣ, и найсильнѣйшѝ и найбогатшѝ, царѣ и вельможѣ побожно слухаютъ его, и память ихъ переходитъ зъ роду въ рôдъ и всюды почитаютъ и прославляютъ е. Такъ *худороднѝ и уничиженни и не сущи* побѣдили *сущихъ*!

Для чогожь, бр., изволивъ Богъ ужити такого чудного и незвычайного способу до розширеня слова евангельского? Длячого выбравъ Онъ до того не мудрыхъ, сильныхъ и знатныхъ, а *буихъ, немощныхъ и худородныхъ*? По перше — того вымагала однообразнôсть зъ самымъ существомъ проповѣди Евангельскои. Въ чôмъ состояло оно? *Мы проповѣдуемъ*, говоритъ Апостолъ, *Христа распята, Iудеемъ убо соблазнъ*, позаякъ они *знаменiя просятъ*, *Еллиномъ же безумiе*, позаякъ они *премудрости ищутъ. Самымъ же званнымъ Христа Божiю силу и Божiю премудрость*. Такимъ образомъ, если сущнôсть Евангельскои проповѣди о спасенiи людей була *буйство и немощь*, т. е. крайне униженье и крестна смерть Сына Бога, то кому и лучше було ввѣрити розширенье тои проповѣди якъ не *буимъ, немощнымъ и худороднымъ*? Премудрѝ, сильнѝ и знаменитѝ съ трудомъ и самѝ повѣрилибы такôй проповѣди, тымъ менше булибы ся рѣшили ити возвѣщати ю свѣтови. У нихъ не булобы кôнця цѣкавымъ вопросамъ: чи такъ то? а чому такъ а не иначе? для чого крестъ, для чого смерть? где тутъ премудрôсть? где тутъ сила? Но *буiи, немощни и худородни*, якими були Апостолы, и не способнѝ були до такихъ вопросôвъ, сейчасъ въ простотѣ сердця приняли, и пôшли не оппраючися возвѣщати ввѣрену имъ спасительну науку вѣры.

Другу причину указуе св. Апостолъ Павелъ въ слѣдуючихъ словахъ: *яко да не похвалится всяка плоть передъ Богомъ*. Дѣло спасеня людского не було и не могло бути дѣломъ естества чоловѣческого. Нiякiй розумъ и нiяка мудрôсть людска не могла вынайти до того средствъ, нiяка сила людска не могла привести его въ дѣйствiе, и длятого никому изъ людей не належится честь и слава за тое. Одна тôлько безконечна мудрôсть Божа и одна всемогуча сила Божа могла тое совершити, — и длятого слава и честь одному Богови. Щожь еслибы проповѣдники и дѣятелѣ того дѣла Божого були премудрѝ, сильнѝ и знатнѝ? Тогды, конечно, гордôсть людска похитилабы якимъ нибудь способомъ честь того дѣла у Бога и присвоила бы собѣ: пре-

мудрый хваливъ бы ся, що ôнъ розумомъ своимъ и штукою слова переконавъ людей о правдѣ вѣры Христовои; сильный хваливъ бы ся, що ôнъ силою своею, оружьемъ и приневоленьемъ наклонивъ до послуху Христового; знатный, богатый и славный хвалили бы ся, що они своимъ вплывомъ и властію розширили Евангеліе. Но теперь, коли *буіи* побѣдили премудрыхъ, немôчни сильныхъ, *не сущи сущихъ*, — *не похвалитъся всяка плоть предъ Богомъ*, во всѣмъ ясно видно тôлько величество силы Божои, а не чоловѣчои, и за всё слава и благодарнôсть одному премудрому, сильному Богови.

Якажь наука для насъ, бр., изъ тыхъ слôвъ Апостола? Знаймо, що якъ проповѣданье Христа роспятого — Божои силы и Божои премудрости — було повѣрене *буіимъ*, *немощнымъ*, *уничиженымъ*; такъ точно и усвоенье тои спасительнои проповѣди даеся тôлько такимъ. Хочешь позыскати Христа — Божу премудрôсть проповѣдану въ Евангелію, ты — ученый и просвѣченый мудростію свѣта? Не хвалися мудростію своею, яка бы ни була она велика и обширна, не взносися надъ розумъ Божій, не предкладай вызываючихъ вопросôвъ: иначе будешъ посрамленый, и не порозумѣешъ *буйства* проповѣди Христовои; но признай себе *буимъ* и ничого незнаючимъ, ôтложи всяке мудрованье ложне, пріими царство Боже яко дитя, въ простотѣ вѣруючого сердця, — и тогды тôлько ты станешъ ся мудрымъ о Христѣ. Чи хочешъ усвоити собѣ силу Христову ты — сильный и великій свѣта? Не хвалися силою своею, щобы не бути покоренымъ, но знай, що спасительна тая сила въ немочи совершаеся, и для того признай себе со всѣмъ немôчнымъ и безсильнымъ въ дѣлѣ свого спасеня, не числи на саму свою праведнôсть и добродѣтель, если она есть: и тогды тôлько осѣнитъ тебе ласка Божа и ты станешъ ся сильнымъ о Христѣ. Хочешъ ты — знатный и богатый свѣта, наслѣдити неизслѣдоване богацтво Христове и удостоитися почести высокого званія? Не хвалися богацтвомъ, знатностію роду и ôтличіями свѣтовыми, щобы не бути посрамленымъ, но полюби убожество духовне, смирися и признай, що ты и *худороденъ*, позаякъ походишъ ôтъ одного вспôльного всѣмъ родоначальника — згрѣшившого Адама, и *уничиженъ*, позаякъ по естеству дитя гнѣву и лишеный славы Божои, и *несущій*, — позаякъ мертвый грѣхами и ôтчуженый ôтъ жизни Божои: тôлько таке смиренне признанье своей ничтожности есть зорею правдивои славы, котра мае засіяти въ царствѣ небеснôмъ. Аминь.

Науки катихитичнѝ.

(*І. Гороцкій.*)

НАУКА XVI.

„Въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, а міръ его не позна: во своя си пріиде, и свои его не пріяша.“ (Іоан. 1. 10. 11.)

Христіяне!

Четвертый членъ Исповѣданя вѣры есть сей: *„Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пілатѣ, страдавша и погребенна“*. Надъ три лѣта учивъ Христосъ и проповѣдавъ Евангеліе благодати Божой, и въ потверджене слова свого творивъ безчисленнѝ чуда: исцѣлявъ хорыхъ дававъ взрокъ слѣпымъ, слухъ глухимъ, воскрешавъ мертвыхъ, изгонявъ бѣсы; повелѣвавъ морю и вѣтромъ. (Дѣян. 10. 38.) Однако, хотяй всюды, куды проходивъ и всѣмъ добре творивъ, переслѣдовали его; хотяй *міръ Нимъ бысть*, говоритъ Евангелистъ, *міръ его не позна*; хотяй *во свояси пріиде, свои его не пріяша.* (Іоан. 1, 10. 11.) Любивъ его вправдѣ людъ простый такъ дуже, що ему при послѣднôмъ его входѣ въ Іерусалимъ даже одѣжь свою и галузки деревъ пôдъ ноги его стеливъ; но передъ всѣмъ выжше священство, книжники и фарисеи ненавидѣли его изъ зависти и задля науки его, и злобу свою такъ далеко посунули, що даже радилися надъ тымъ, абы ему смерть задати. Не могли однако довшій часъ ôтважитися яти его явно зъ боязни передъ народомъ. Удалося имъ наконецъ яти его. Іуда Іскаріотскій, ученикъ Іисусъ-Христовъ хитрымъ поцѣлованьемъ предавъ свого Учителя, и за трійцять сребренникôвъ ôтдавъ его въ руки ворогôвъ его. Ятый, веденый бувъ Іисусъ ôтъ одного суда до другого, за подбуреньемъ высшого священьства ôтъ народа на смерть прошеный и ôтъ Понтійского Пилата, намѣстника римского на смерть крестну осудженый. Се всё сбулося одной ночи и дня!

Претрудно однако, Христіане, поняти, що всё Іисусъ Христосъ претерпѣвъ. Знавъ ôнъ напередъ свою муку, бо часъ ей самъ предсказавъ и тому терпѣвъ уже на души своей таку тугу, що даже кровавый пôтъ облявъ его тѣло, и таку скорбь, що даже воскликнувъ: *„Прискорбна есть душа моя даже до смерти.“* (Мат. 26. 38.) На тѣлѣ претерпѣвъ Христосъ много бѣды и муки, многѝ удары и раны. Били его, увѣнчали терновымъ вѣнцемъ, а наконецъ роспяли на крестѣ. Тотѝ всѣ болести чувствовавъ Христосъ такъ само, якъ бысьмо мы ихъ були чувствовали; понеже Онъ мавъ таке саме тѣло терпяче, якъ и мы маемъ; тому то Онъ кликавъ зъ креста стогнячи: *„Боже мой, Боже мой! вскую мя оставилъ еси.“* (Мат. 27. 46.)

Іисусъ терпѣвъ еще много, а тыхъ тяжкихъ погордженій и насмѣшкôвъ. Чижь не на посмѣховиско казавъ царь Иродъ вложити на него бѣлу одѣжь, и такъ его водити. Яке погордженье було то, коли

жовнѣры въ темницѣ завязавши очи, по лици били его, и поругаючись казали ему ôтгадовати, кто его ударивъ? Іисусъ терпѣвъ поруганя, бо не лише многи зъ тыхъ, котрû коло креста переходили, но и одинъ зъ двохъ розбôйникôвъ, котрû съ нимъ роспятû були, по правôй и лѣвôй руцѣ его, насмѣвався зъ него и говоривъ: *„Аще Сынъ Божій еси, сниди съ креста“*. (Мат. 27. 40.) Іисусъ терпѣвъ много оклеветаній; бувъ бо обвиненый, що нарôдъ бунтуе, щобы цѣсареви не ôтдавали податокъ, що себе царемъ жидовскимъ и Сыномъ Божимъ называвъ; коли Онъ учивъ: „Воздадите Кесарева кесареви“, а правдивôсть Божества свого такъ многими доказавъ чудами.

Но однако всё, що терпѣвъ Іисусъ, терпѣвъ невинно; и самъ Пилатъ судія его, явно высказавъ, що ни однои вины въ Немъ не найшовъ; а понеже Іисусъ Богомъ бувъ, то не мôгъ даже ніякого грѣха на собѣ мати; за нашû отже грѣхи терпѣвъ Онъ. Не було вправдѣ доконче потребно, щобы Іисусъ такъ много терпѣвъ, понеже кожде дѣло его мае безконечну цѣну. Но однако тому Христосъ такъ много а се безъ найменшого нарѣканя и съ великою охотою терпѣвъ, щобы намъ дати примѣръ, якъ и мы за грѣхи свои власнû всегда охочо терпѣти повиннû.

При смерти Іисусовой дивнû дѣялися чуда. Солнце и мѣсяць померкли, земля тряслася, завѣса церковна на двое роздерлася, камѣнье роспадалися, гробы отверались, зъ котрыхъ многû умершû повстали, и явилися знаемымъ и другамъ своимъ въ Іерусалимѣ. Чи дѣялося щось подôбного коли при умираючôмъ? Чи такъ умираючій бувъ простымъ человѣкомъ? Нѣ; тіи чуда являли, що Онъ мусѣвъ бути чимсь бôльшимъ, нежели простымъ человѣкомъ — що бувъ Богомъ. Высѣвши три годинѣ на крестѣ Іисусъ Христосъ, предавъ духа свого въ руки Бога Отца свого. Жовнѣрь отворивъ копіемъ ребро его, зъ котрого потекла кровь и вода; и скоробы бувъ Іисусъ зъ причины иншихъ ранъ не умеръ, то въ слѣдство отвореного ребра мусѣвъ бы бувъ умерти.

Мертве тѣло Іисусове сняли зъ креста и положили въ новôмъ гробѣ. Тогды пригадали си вороги его, якъ онъ за житя говоривъ, що третёго дня встане: боялися отже, щобы ученики не украли тѣла его и не оголосили потôмъ, що изъ мертвыхъ вставъ. Щобы отже се не могло статися, привалили грôбъ великимъ камѣнёмъ, опечатали камѣнь, и поставили при гробѣ стражь до третёго дня.

Такъ, христіане, совершилося наше искупленье и примиренье съ Богомъ. Давъ ôнъ намъ Сына свого единородного, а той сынъ стався человѣкомъ, народившися ôтъ пречистой Дѣвы Маріи силою и дѣйствомъ св. Духа; терпѣвъ и умеръ для нашого спасеня на крестѣ; що мы все въ другôмъ, третôмъ и четвертôмъ членѣ съ церквою св. вѣруемъ и исповѣдуемъ.

И се еще ту належитъ намъ знати, що якъ Мессія самъ, его происходженье, рождество, и мѣстце рождества, такъ и страсть его многими вѣками напередъ пророками предсказана и якъ найточнѣйше описана була. Такъ говоритъ пророкъ Давидъ, що сынъ Божій буде гоненымъ, що вороги его яко львы розъюшенû будутъ наставати на погубленье его, що ему руки и ноги прободутъ, и всё тѣло такъ покалѣчутъ, що буде можна всѣ его кости почислити. (Псал. 21.) На

700 лѣтъ напередъ предсказавъ Исаіа пророкъ (53) „що буде уничиженъ и почитаный за послѣднёго изъ людей, веденый на смерть якъ невинне ягня; бо пріиме на себе грѣхи нашй, и буде раненъ за беззаконія нашй, сотренъ за злобы нашй; язвами же его мы всѣ исцѣлимо ся. Всѣ мы заблудили якъ ôвцѣ, кождый пôшовъ своею дорогою; но Господь возьме на себе всѣ нашй беззаконія, буде въ жертву принесенъ, якъ самъ захотѣвъ, и не отворитъ устъ своихъ."

Но и прообразованый намъ есть Спаситель, особенно въ лицѣ Исаака. (Быт. 2. 2.) Авраамъ той славный патріархъ, зъ котрого сѣмени походитъ Іисусъ Христосъ по плоти, мавъ лише одного сына, котрого ему Сарра, въ старости своей, породила. Той назывався Исаакъ, и въ немъ обѣцявъ Богъ Авраамови такъ сильно потомство его умножити, якъ звѣзды на небѣ и якъ пѣсокъ воскрай моря; тому отже бувъ сынъ той доброму Авраамови надъ все, що мавъ, найдорожшимъ. Но одного разу получивъ той радуючійся отецъ несподѣвано такій приказъ: „Пойми сына твого возлюбленого, котрого полюбивесь, Исаака, и иди въ землю высоку, и принеси менѣ его въ жертву." Якъ дуже бувъ бы ся безсомнѣнно иншій отецъ такимъ приказомъ засмутивъ, або его и не послухавъ, такъ вѣрно и скоро исполнивъ его Авраамъ. Кличе сына свого Исаака и двохъ слугъ, каже собѣ осла осѣдлати, набирае дровъ и всего, чого до такой жертвы потребно було, и иде на мѣстце, котре Богъ ему вказавъ. Коли третёго дня недалеко уже ôтъ горы бувъ, приказавъ слугамъ съ осломъ остатися и на себе ждати, доки зъ горы не поверне. Взявъ отже дрова до жертвы потребнй, вложивъ ихъ на Исаака сына свого, самъ нѣсъ въ однôй руцѣ огонь, щобъ дрова нимъ пôдпалити, на котрыхъ Исаакъ мавъ бути пожертвованый, а въ другôй нôжь, щобы его заколоти. Коли такъ оба ишли на гору, пытаеся Исаакъ: Отче! се огнь и дрова, где есть овча на жертву?" — „Сыну мôй", ôтповѣдае Авраамъ, „Богъ узритъ собѣ овча ты симъ не журися. Ставши уже на горѣ, устроивъ тамъ Авраамъ жертовникъ. Исаакъ не пытався бôльше, но придивляеся съ увагою тому, що отецъ дѣлавъ. Ничого не говорячи, знявъ зъ него Авраамъ дрова, и розложивъ ихъ на жертовнику. Теперь ôткрывае отецъ любому сынови свому, що ôнъ заколенымъ и пожертвованымъ бути мае. Доброохотно подавъ тойже отцеви руки, дався связати, и на дрова положити. Авраамъ же простеръ руку свою, взявъ за нôжь и замахъ уже зробивъ, щобы заколоти сына свого единородного — ажь ту кликнувъ нагло ангелъ зъ неба: *„Аврааме, Аврааме!"* — *„Се азъ"*, ôтповѣдае Авраамъ. — *„Да не возложиши руки твоея на отрочища"*, повѣдае ангелъ, *„ниже сотвориши ему ничтоже, нынѣ бо познахъ, яко боишися ты Бога, и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго мене ради. Воистину убо (за то) благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое. И благословятъ ся въ сѣмени твоемъ вси языцы, зане послушалъ еси гласа моего."*

Ктожь, люб., не видитъ ту, що Исаакъ есть прообразомъ божественного нашого Искупителя, котрый такожь свое дерево креста даже на мѣстце смерти нѣсъ, и за насъ на тôмъ жертву Богови принѣсъ? А що вамъ ту на заключенье пригадати маю, есть особенно то, дабысьте частѣйше на того нашого, нового завѣта Исаака, съ сокру-

шеньемъ взырали и тямили, що Онъ за насъ и за грѣхи нашй на крестѣ умирати хотѣвъ и умеръ. Такъ, о найсолодшій Искупителю! ото мои грѣхи суть виною смерти Твоей, мои злобы утесали Тобѣ поносный крестъ, мои беззаконія такъ немилосердно Тебе зранили. Прости менѣ лукавства сердця мого, прости менѣ такъ частй прегрѣшеня! Я николи уже не хочу бôльше грѣшити, николи той смерти Твоей поновляти: радше умерти, нежели еще коли согрѣшити, Аминь.

Семый канонъ третого вселенского Собора
и православнй Греки.

Посвящае Холмскимъ Миссіонерамъ

А. Д.
Слушатель св. Богословія и питомець вѣденьского сѣменища.

(Продовж.)

Докажемо се мѣстцями зъ св. письма. Дуже часто говоритъ Христосъ о собѣ: „*Сынъ человѣческій*... и пр.“, чи думае Христосъ тымъ заперечити свое Божество, т. е. сказати, що *не есть Сыномъ Божимъ?* Въ VI. главѣ св. Іоанна с. 32 говоритъ Христосъ: „*Отецъ мой* даетъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе“, чи хоче може Христосъ черезъ тое сказати, що *Сынъ человѣческій того хлѣба намъ недае?* Точно такъ мается рѣчь и съ нашимъ мѣстцемъ „Иже отъ Отца исходитъ“. — Но що бôльше. Въ 11. главѣ с. 27. св. Матея увѣряе Христосъ выразно, що *никто не знае Отца, тôлько Сынъ одинъ*; чи схоче може г. Антимосъ зъ того заключати, що *Духъ св. не мае ніякого понятія о Отцѣ?* Думаемо, що нѣ. Хотяйбо познанье Бога Отца самому тôлько Сынови приписуеся а всякій инный ôтъ того познаня выключаеся, то все таки, выключенье тое не може на св. Духа розтягатися, — для чого? бо пôдъ жаднымъ условьемъ не можна тое за выключене уважати, що по своей природѣ есть включене; а тое потверджаеся и на нашôмъ мѣстци: Сынъ не може Отца пôзнавати, щобы и Духъ св. его заразомъ не пôзнававъ, бо оба лиця божй маютъ одно соестественне познанье. Еслижь се важне есть для положеня, въ которôмъ ясными словами высказане есть выключенье, то о скôлькожь бôльше мусить оно важнымъ бути для слôвъ „Иже отъ Отца исходитъ“, въ которыхъ нема найменшого выключеня? Намъ непонятно прото, якъ можна ôтмовляти Сынови дуновенье (spiratio) св. Духа, коли о такôмъ выключеню Сына нема въ упомянутыхъ словахъ Іоанна 15, 26. и найменшои спомники? Нѣ, мы мусимо конечно сказати, що въ упомянутыхъ словахъ Іоанна Сынъ включаеся, тымъ бôльше, що самъ Христосъ учитъ: „Вся, елика имать Отецъ, моя суть“. (Іоан. 16, 15.) Если тіи слова Спасителя суть истиннй, то безъ сомнѣня слѣдуе, що тое мѣстце св. письма, въ которôмъ кажеся, що Духъ св. ôтъ Отца исходитъ, въ собѣ заразомъ заключае, що Духъ св. *и ôтъ Сына исходитъ, понеже обомъ лицямъ*

Божимъ съ изъятіемъ Отчества и Сыновства (черезъ що власне оба тіи лиця божѝ ôтъ себе розличаются) *все проче есть вспôльне — вспôльне прото и дуновеніе.*

Сказано на другôмъ мѣстци, що текстъ (Іоанъ 15, 26,) въ цѣлости взятый, догматъ католическои Церкви не лишь не нарушае, но тымъ бôльше еще скрѣпляе. Текстъ той въ цѣлости звучитъ: „*Егдаже пріидетъ Утѣшитель, егоже азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ.*" (Іоан. 15, 26.) Тутъ высказуе Христосъ ясно, що Духъ св., который ôтъ Отца исходитъ, *ôтъ него зôсланый буде.* Кто однакъ ôтъ другого посилаеся, той стоитъ конечно въ якôйсь *зависимости* до другого. Но якажь може бути зависимôсть межи божими лицями? — очевидно не инна тôлько *зависимôсть походженя**). Для того и Христосъ, объявляючи себе зôсланымъ ôтъ Отца, подае свое походженье ôтъ него яко доказъ свого посланничества: „*Азъ бо отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ, не о себѣ бо пріидохъ, но той мя посла*". (Іоан. 8, 42.) Высказане Христомъ ученье о происходженю (processio) и посланію (missio) лиць Божихъ, повторяютъ и св. Отцѣ, съ помежи которыхъ двохъ тôлько наведемо. Св. Августинъ († 430) примѣчае напротивъ Аріанъ: О самôмъ тôлько Отци не читаемъ, щобы ôнъ бувъ ôтъ кого посыланый, бо ôнъ одинъ немае виновника, ôтъ которого бы бувъ зродженый, або ôтъ которого бы происходивъ (solus Pater non legitur missus, quoniam solus non habet auctorem a quo genitus sit, vel a quo procedat). А св. Григорій Великій († 604) увѣряе въ своей гомиліи (XXVI.), що зôсланье св. Духа въ безпосереднôй зôстае связи съ его происходженьемъ ôтъ Отца и Сына: Eius missio ipsa processio est, qua de Patre procedit et Filio. Для того кажеся въ св. письмѣ, що Духа св. посылае то Сынъ — во имя Отца, то знова Отецъ — во имя Сына, щобы черезъ тое указати на его *происходженье ôтъ Отца и Сына.*

Не наводимо бôльше мѣстць изъ св. Отцѣвъ, бо тіи два станутъ

---

*) Missio in divinis est prolatio (seu processio activa) unius personae per alteram, quatenus haec (prolatio) refertur ad effectum externum visibilem vel invisibilem. Duo igitur ad missionem requiruntur: 1) prolatio seu processio personae, quae mittitur, et 2) effectus externus; hic temporalis est, illa aeterna. Utrumque respectum expressit Christus, Ioan. 8, 42. dicens: Ego ex Deo processi, en processio; et veni in mundum, en missio, seu effectus, aut novus existendi modus in tempore.

Missio in divinis, sive visibilis (e. g. in Incarnatione) sive invisibilis sit (e. g. in justificatione), non arguit inferioritatem in eo, qui mittitur, sed tantum originem unius personae ab alia: quae quidem origo, non imperio, sed eiusdem naturae communicatione perficitur. Tripliciter enim aliqua missio fieri potest: vel per imperium, sicut a domino mittitur servus in villam; vel per consilium, sicut a medico mittitur rex ad balnea; vel per originem, sicut flos emittitur ab arbore, lumen a sole. Hoc ultimum exemplum, demptis imperfectionibus, missionem divinam aliqua ratione adumbrat. — См. Schouppe Theolog. Dogm. I. Tract. VI. De SS. Trinit. n. 166. et n. 170.

за всѣ. Поспытаемо тôлько: за що кидае Антимосъ анатему на католическу церковь, если она исповѣдуе тую саму вѣру, якую исповѣдовавъ Св. Григорій Великій, которого и православнѝ яко великого учителя и святителя почитаютъ, и которого они за еретика не схотятъ навѣрно держати? Еслижь вже Григорій Великій († 604) исходъ св. Духа ôтъ Отца и Сына исповѣдувавъ, то якимъ чиномъ зове Антимосъ его ученье — *новостію* (ἡ καινοφανὴς δόξα)? Григорій Великій живъ 300 лѣтъ передъ Фотіемъ. Думаемо, що ученье, яке вже передъ 13 сотъ лѣтами великій Учитель катол. церкви исповѣдувавъ, не заслугуе совсѣмъ на тое, щобы его межи „новости" зачисляти.

Щобы силу нашого доказа обминути, учивъ Фотій (которого г. Антимосъ — не знаемо якимъ чиномъ? — святымъ называе), що слова Христа *„егоже азъ послю вамъ"* не належитъ розумѣти о *лицѣ св. Духа,* но о его благодати. Но славный Висаріонъ, епископъ антіохійскій, выказавъ имъ неумѣстнôсть такого выкрута, доказавши, що того рода ученье не дасть ся въ ніякій спосôбъ погодити съ текстомъ св. письма, въ которôмъ выразно сказано, що власне той самъ Духъ св., который ôтъ Отца исходитъ, ôтъ Сына посылаеся; еслиже Сынъ не посылае личности св. Духа, а тôлько его благодать, втогдѣ и ôтъ Отца не исходитъ св. Духъ, а его благодать; но таке ученье есть простою глупостію и богохульствомъ (Висаріонъ).

Можемо навести еще бôльше мѣстць изъ св. письма, въ которыхъ тая сама правда мѣстится. И такъ (Іоан. 14, 26.) говоритъ Христосъ до своихъ ученикôвъ: „Утѣшитель же, Духъ св., егоже послетъ Отецъ *во имя мое,* той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ, яже рѣхъ вамъ". — Во *„имя Сына"* посылати, значитъ по словамъ св. Отцѣвъ тôлько, що: in virtute et potestate Filii, бо слово *„имя"* означае по ихъ ученію *силу и дѣйствіе* (подôбно якъ: во имя Отца и Сына и св. Духа крестити, значитъ тое само, що крестити силою и дѣйствіемъ О. и С. и св. Д.); длятого слово „имя" уживаеся тôлько въ единственнôмъ числѣ а нѝколи въ множественнôмъ, *бо во всѣхъ трехъ лицяхъ Божихъ есть одна тôлько сила и одно дѣйствіе.* Якъ мôгъ бы про то Отецъ Духа св. *силою и дѣйствіемъ Сына* посилати, еслибы Сынъ не бувъ съ Отцемъ однымъ началомъ*), зъ которого Духъ святый *происходитъ?*

Въ 16. главѣ того самого Евангелія Іоанна, с. 13. 14. 15. говоритъ Христосъ: *„Егдаже пріидетъ онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услишитъ, глаголати имать и грядущая возвѣститъ вамъ.* Онъ мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, *и возвѣститъ вамъ. Вся елика имать Отецъ, моя суть; сего ради рѣхъ:* яко отъ моего пріиметъ, *и возвѣститъ вамъ".* Въ тыхъ трехъ стихахъ говорится,

---

*) Отецъ и Сынъ суть однымъ началомъ святого Духа, бо маютъ „одну дышущую силу", которои „дѣйствіемъ" т. е. дуновеньемъ Духъ святый происходитъ. Но о тôмъ буде бесѣда пôзнѣйше, тутъ хотѣли мы тôлько пояснити, що належитъ пôдъ силою и дѣйствіемъ розумѣти.

*

що Духъ св. ôтъ Сына прійме. Но якжежь може Духъ св. ôтъ Сына щось принимати, если ôтъ него не происходитъ? Припустѣмъ, що св. Духу, коли вже черезъ свое происходженье ôтъ Отца получивъ бытье и божеске естество, не достае еще чогось, щожь мôгъ бы ôнъ ôтъ Сына приняти? Въ текстѣ, который маемо передъ собою, есть бесѣда о *знанію* (scientia). Духъ св. получае прото ôтъ Сына знаніе. *Но знаніе* въ Бозѣ есть существенно тое *само съ естествомъ Божимъ*. Духъ св. получае прото ôтъ Сына свое естество и бытье, заровно якъ и ôтъ Отца, вслѣдствіе творческои (productiv.) силы, котора обомъ лицамъ есть вспôльна.

Щобы и тое мѣстце св. письма обезсилити, учивъ Фотій, що въ словахъ Христа: „яко отъ моего пріиметъ", належитъ дорозумѣтися слова Отецъ, якъ колибы Христосъ сказавъ „яко отъ *моего Отца* пріиметъ". Но съ такимъ поясненьемъ не можемо ніякъ погодитися, бо оно наноситъ словамъ Христа очевидне насиліе. Колибо Христосъ ученикамъ своимъ объявивъ, що Духъ св. ôтъ него пріиме („яко отъ моего пріиметъ"), втогды, щобы уйти всякои двозначности, додавъ ôнъ сей часъ: „*Вся елика* имать Отецъ, моя суть; сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ". Зъ чого вносимо, що Христосъ хотѣвъ сказати: Понеже все тое, що Отецъ мôй мае, вслѣдствіе мого предвѣчного рождения моимъ есть, длятого актъ, которымъ Духъ св. исходитъ, не може ôтъ Отца бути сповненый, щобы и я его не сповнивъ, бо обомъ намъ свойственне есть естество Боже и сила дышуща, которои дуновеньемъ Духъ св. происходитъ, длятого сказавъ я, що Духъ св. „отъ моего" т. е. ôтъ мене пріиме, подôбно якъ и ôтъ Отца пріимае.

Зъ ôтси то походитъ, що Духъ св. зовеся въ св. письмѣ то *Духъ Отца*, то знова *Духъ Сына*. На доказъ сего наведемо два мѣстця изъ св. письма. Въ посл. къ Галат. 4, 6. говоритъ ся: „И понеже есте сынове, посла Богъ *Духа Сына своего* въ сердца ваша вопіюща: Авва, Отче!" — Друге мѣстце 1. Петр. 1, 10. 11. „О немже спасеніи взыскаша и испыташа пророцы, иже о вашой благодати прорекоша: Испытающе, въ каковь или въ кое время являше въ нихъ *Духъ Христовъ*, прежде свидѣтельствуя о Христовыхъ страстехъ, и о славахъ, яже по сихъ".*) Що Духъ, который черезъ пророкôвъ глаголавъ, не есть инный, тôлько св. Духъ, се знаемъ изъ Символа Н.-К., въ которôмъ о св. Дусѣ говоритъ ся: „*глаголавшаго пророки*". Мудро прото замѣчае Висаріонъ, що зъ наведеныхъ мѣсць посланя Павлова и Петрова слѣдуе, що *Духъ св. ôтъ Отца исходитъ*. Бо „Духъ, говоритъ ôнъ, есть именемъ взглядным (relativum) и стягае ся конечно на дышущого, чіимъ есть Духомъ, ôтъ того и исходитъ" А що „Духъ" есть именемъ взглядным (relativ.), о тôмъ не ма и сомнѣнія, бо „Духъ" есть име-

---

*) „Nach welcher Seligkeit gesuchet und geforschet haben die Propheten, die von der Gnade, welche auf euch kommen sollte, geweissagt haben; indem sie nachforschten, auf welche Zeit und Umstände der in ihnen wohnende Geist Christi hindeute, wenn er die Leiden Christi und die darauf folgende Herrlichkeit vorherverkündigte."

немъ *личнымъ*, а лиця въ Бозѣ означаются (и повстаютъ) черезъ ихъ взаимнû ôтношеня (relationes), бо кромѣ тыхъ ôтношенiй (которû основуются на происходженю одного лиця ôтъ другого) остае тôлько естество Боже, которе всѣмъ тремъ лицямъ Пресв. Тройцѣ есть вспôльне.

(Дальше буде.)

Практики душпастырскû одного сельского священника.

IV. Набоженьство недѣльне и святочне.

(Продовженье.)

До вступнои уваги пôдъ *д)* (ч. 10. ст. 310) о опрятности въ церквѣ додаю ще слѣдуюче: Треба, щобы священникъ разъ въ рôкъ опорядивъ и очистивъ *мvрницю* до крещеня, *бурсу* до хорыхъ, и *пушку* (чашу) зо св. дарами въ кивотѣ или киворiи, такожь *монстранцiю*, где тая уживаеся. На мvрницю есть до того найлѣпшiй часъ, коли одновляеся мvро; бурсу же и пушки або въ четверъ или пятницю передъ Великоднемъ, або при вольнôмъ часѣ по Велицѣдни. Мvрницю и сосуды на мvро и елей до крещеня и до хорыхъ зъ верху и зъ середины вытерти (не тымъ полотномъ, що чашѣ втираются, але чимсь иннымъ). Изъ сосуда, въ котрôмъ Дары св. до хорыхъ носятся и изъ дотычного илитона вызбирую насамперед дробочки, котрûбы могли найтися изъ найсв. Таинъ (такожь въ сомнѣню, чи дробочка яка есть изъ найсв. Таинъ или нѣ) до чашѣ, въ котрой мае потому Служба правитися; и потому сосудъ той вытираю зъ верхи тымъ полотномъ, котрымъ чашѣ втираются, а въ серединѣ однымъ изъ уживаныхъ вже лентiонôвъ; а илитонъ треба за новый чистый ôтмѣняти, такожь лентiонъ до лижечки. Пушку зъ дарами св. лишь зъ верхи вытираю; и такожь кивотъ цѣлый въ серединѣ щобы бувъ чистый.

Баволну въ мvрници треба частѣйше въ роцѣ ôтмѣняти и длятого досыть чистои готовои баволны мати. Такожь обрусы на престолѣ и илитоны (корпоралы), на котрыхъ Служба правится, треба ôтмѣняти, абы були чистû; я правлю правильно лишь на великôмъ престолѣ, и спôднû обрусы ôтмѣняю лише разъ въ рôкъ, а верхный обрусъ, и майже таксамо илитоны, зъ 4 разы до року: передъ Великоднемъ, на Петра, Покровъ, и Рождество; бôльше-менше и стихарѣ въ той часъ, наплечники же що мѣсяця; на лентiоны (ручники до чашѣ) треба що тыждня, або и пару разъ на тыждень дивитися, чи суть ще чистû. Передъ ôтмѣненьемъ илитонôвъ збираю дробочки до чашѣ, такъ якъ высше сказано; розумѣеся, що и пôдчасъ правленя Службы, еслибы зобачилася така дробочка на илитонѣ, треба ю на дискосъ дати. Що до обрусôвъ на престолѣ робятъ часто также такъ, що верхнiй обрусъ накрываеся цератою, въ котрой вырѣзанû на серединѣ 2 кляпы въ мѣстци, где илитонъ розпростираеся, и при Службѣ лишаеся престолъ цератою накрытый, лише тiи 2 кляпы отвираются; не смѣю осудити

чи то ôтповѣднымъ есть или нѣ, але тогды певне може тойсамъ обрусъ на цѣлый рôкъ або и довше служити, отже можебы то порадным было им. на бочнй престолы.

Зауважаю ще, що ведля припису въ лат. обрядѣ илитоны, лентіоны, обрусы на престолѣ, стихарѣ и наплечники мусятъ бути зъ льну або конопель (а не зъ баволны); такожь при Службѣ муситъ бодай одна пара свѣчокъ *восковыхъ* свѣтитися, зъ бѣлого або жовтого воску (а не самй мильовй або иннй якй). Хоть въ нашôмъ обрядѣ, о скôлько знаю, выразьныхъ тыхъ приписôвъ нѣтъ, однакожь думаю, що для чести того великого набоженьства добре зробимъ, если ся такожь до нихъ застосуемъ. — Престолъ мае бути накрытый 3 обрусами, и безпосередно *пôдъ* верхнимъ обрусомъ мае ведля роспорядженя синода Замойского помѣщенымъ бути антиминсъ (у православныхъ впростъ на антиминсѣ правится Служба); впрочемъ замѣсть 2 осôбныхъ спôдныхъ обрусôвъ може бути такожь 1 подвôйный. — Илитоны и лентіоны мае зъ першои воды самъ священникъ выжмекати, и вода тая найлѣпше слибы на огонь выльялася (у мене выливаеся пôдъ церковь; вода свячена зъ крещеня на церковь, а инша свячена вода, котра вже не мае уживати ся, на цминтарь або городъ или поле; вино и елей зъ всеночного, сли инакше честно не ужіются, на огонь; и баволна зъ мѵрницѣ палится).

Ажь теперь приходимъ до властивои рѣчи о недѣльнôмъ и святочнôмъ набоженьствѣ.

Що до ôтправы, троякй ту дни розрôжняти треба:

а) недѣлѣ, где ранне набоженьство зачинаеся утренею (и такъ есть т акожь въ 2. и 3. день рôздвяныхъ и великодныхъ, и 2. день зеленыхъ святъ);

б) звыклй свята съ всеночнымъ;

в) 3 найурочистшй дни: Рождество, Богоявленье и Великдень. (Сошествіе ту неналежитъ).

Зъ всеночнымъ ôтправляю такожь Ѳомину недѣлю и недѣлю всѣхъ Святыхъ; а зô знесеныхъ святъ переношу на слѣдуючу недѣлю (ведля вѣдомости отриманои ôтъ мого старого отца, котрый все набоженьство дуже точно ôтправлявъ) Георгія, празникъ Евхаристіи, Иліи, Усѣкновенье и Покровъ; отже и тогды всеночне правлю. Желательнымъ есть, щобы въ той рѣчи роспорядженье обновлене зôстало, понеже нѣтъ однообразности межи священьствомъ.

Слѣдуе: 1. Ранне набоженьство; 2. Служба Б.; и 3. Вечерня.

1. Ранне набоженьство стараюся по можности якъ найточнѣйше все о той самой годинѣ зачинати: утреню о 7, всеночне о 6. годинѣ рано ($^1/_2$ годины впередъ дзвонится, а якъ иду до церкви, то сигнуеся); въ дни же пôдъ *в)* наведенй зачинаю набоженьство около 4. годины рано.

Зауважаю, що у мене, такъ якъ вѣдай найчастше по селахъ, 2 разы рано схôдъ есть; по раннôмъ люде росходятся, а на Службу зновь сходятся. То особливо що до сповѣди есть користнымъ, понеже черезъ тое въ припадку бôльшого зголошеняся до св. сповѣди и Служба може бôльше-менше въ свôй часъ позôстати, и есть значно бôльше часу передъ Службою до сповѣданя; длятого видитмися дуже пораднымъ, щобы всюды де лишь можь, такій подвôйный схôдъ мати. Впро-

чемъ хоть и никто до сповѣди не лишаеся, то церковь по утрени не замыкаеся, лише закристія. Голошу такожь, щобы, если кто по утрени до сповѣди прійде и мене въ церквѣ не застане, менѣ до хаты дати знати.

Всеночне хотѣвъ я давнѣйше въ вечеръ напередъ правити, але пересвѣдчивъ емь ся, що далеко ôтповѣднѣйша есть ôтправа (такъ якъ есть общій звычай) рано. Именно 1) есть въ тôмъ, що о годину раньше зачинаеся ранне набоженьство и довше тревае, бôльше основы давного „бдѣнія“ святочного (и священникъ муситъ раньше встати, и люде раньше ся сходятъ), нѣжь абы всеночое въ вечеръ ôтправити, такъ якбы и вечѣрню передъ недѣлею, а рано знову такъ якъ въ недѣлю, лише утреню; але особливо есть важнымъ 2) то, що въ самъ день святочный и священникъ и люде бôльше духа святочного въ собѣ маютъ, и есть о годину бôльше часу до сповѣди (до котрои всегда борше въ свято, нѣжь день напередъ наклонится), а и то есть важнымъ; 3) що въ предъидучій день яко будный люде ще своими щоденными интересами и роботами будными занятѝ суть (иншій бувъ давнѣйшій стосунокъ, где вже зъ вечера зачинали святковати). А вже и першѝ 2 точки такъ менѣ важными выдаются, що хоть свято въ понедѣлокъ выпаде (отже 3 точка ôтпадае), то прецѣ въ недѣлю правлю лишь малу вечѣрню, а всеночне ажь въ понедѣлокъ. Лишь одна рѣчь здаеся противна, то есть, що молитвы и ектеніи суть вечернѝ; но треба увзглядните, що при ôтмѣненыхъ стосункахъ не лишь ту, але и въ многихъ иныхъ припадкахъ мусимъ слова обряда розумѣти такъ, якъ тѝ ôтмѣненѝ стосунки жадаютъ (н. пр. Сіонъ, Іерусалимъ, Служба съ вечернею передъ полуднемъ, утреня, котра пару разъ правится въ вечеръ и т. п.); отже ту пôдъ „вечеромъ“ муситъ розумѣти власне той часъ ранный передъ утренею (якобы закôнченье минувшого вечера), або можбы и самъ вечеръ минувшій розумѣти, еслибы тое связь дозваляла.

Впрочемъ въ день передъ святомъ правлю малу вечерню, такъ якъ и въ суботу велику вечерню; ôтъ Великодня до Покрова о 5., а ôтъ Покрова до Великодня о 3 годинѣ сполудня (лише сли сполудня есть великодна сповѣдь, то вже вечерню тую не правлю); и котрѝбы хотѣли прійти, могутъ такожь сповѣдатися. Голошу такожь, еслибы кто въ вечеръ по вечерни до сповѣди прійшовъ и вже церковъ замкнену заставъ, щобы менѣ дома давъ знати. — Слибы тая вечерня хоть о годину пôзнѣйше правилася, то певне и бôльше людій день напередъ до сповѣди приходилибы; але несомнѣнно есть въ тôмъ недосконалôсть моя, що тую ôтправу день впередъ не за такъ важну уважаю, и хочу въ тôй точцѣ собѣ улекшити, щобы правильно не за пôзно пôдъ недѣлѣ и свята правити и сповѣдати. (Прод. слѣд.)

ЗАПИСКИ РИМЛЯНИНА.

„In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas.“

1. Открытье сойма началось звыклымъ богослуженьемъ. И рускіи зôбралися въ Городску церковь, щобы однымъ сердцемъ, одными усты призвати помочи св. Духа для отпоручникôвъ нашого народа, щобы они ревно, совѣстно и успѣшно радили о его благосостоянію. Уставленй на середъ церкви крѣсла були майже совсѣмъ порожнй. Тяжко, гôрко, болесно було дивитися на такъ скудну „репрезентацію“ галицкой Руси и съ всемъ ніяку ц. к. Правительства и краевой автономіи; пôдчасъ коли на богослуженю лат. було народно, офиціально, выставно. Чому тая разительна, постоянна несправедлива рôжниця изъ стороны, зъ которой сего найменьше выпадалобы надѣятися? Чи намъ неприслугуютъ въ всемъ рôвнй права церковнй, конституційнй, автономичнй съ нашими соотечественниками латиньского обряда, а въ практицѣ чому тôлько ображаючого всяке благородне чувство презрѣня, чому такъ часте, явне, неясне „игнорованье“ вѣрныхъ римской церквѣ и австрійской державѣ Русинôвъ? Если мы схизмою испорченй, тожъ пересвѣдчивши ся переконайте насъ о тôмъ; но не судѣтъ незнаной справы; если мы бѣднй, зацофанй, темнй, тожь вашою должностію есть пôднести, просвѣтити, ублагороднити насъ; если мы нелегальнй, тожь дайте намъ примѣръ самй правой законности. По чіей сторонѣ правда, трудно намъ теперь становчо сказати, то лише есть певно, що „правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси.“ (Притч. XIV. 34.)

2. Дѣйстно не можно не писати сатиры, коли видимо Dziennik polski между защитителями римского Папы. Но гдежь не поведе чоловѣка злесовѣтуюча пристрасть; а якже возможно бути безпристрастнымъ взглядомъ святоюрцевъ. Извѣстно що пристрасть затемняе розумъ — тожь тая мрака не дозволила Dzienik-ови ôтчитати заявленье магистрату львôвского дотычаще помѣщеня бюста бл. п. П. Пія IX. на однôмъ изъ головныхъ пиластрôвъ св. Георіевского Собора — помѣщене въ Gaz. Lwow., и зауважати, що на пôдставѣ такого розумованя нужно бы прійти до заключеня, що и спротивившіи ся поставленю памятника реченому Покôйнику, Краковяне — належатъ до шисматыкуючихъ святоюрцѣвъ.

3. Въ заведеню зъ ума сшедшихъ на Кульпарковѣ душпастырство лат. обряду приналежащихъ лицъ повѣрено пришельцу ôтъ сѣвера О. К. Той frater веденъ ложною ревностію при выразнôмъ невѣжествѣ уставовъ церковныхъ обохъ обрядôвъ — дѣлае частй пакости свому колезѣ рускому, недозваляючи му закладати, коли слѣдуе, чест. Креста, литургисати, спѣвати въ вспôльной Часовнѣ. Послѣдными днями, коли тойже по отпустѣ дававъ цѣловати вѣрнымъ крестъ, честный капуцинъ клякнувъ межи нихъ и шепнувъ, може бути въ добрôй вѣрѣ: „nie idźcie całować, to inna religia“. Понятно, що таке поступованье не може пособствовати вспôльного согласія пастырей и возсозиданя повѣреныхъ душъ. Тіи, которй бы могли и должнй тіи неумѣстности усторо-

нити, кажутся того не хотѣти — ибо на бôльшекратнû жалобы не дають жадного отвѣта.

4. Лихû дописи шкодятъ поважѣ письмъ, которû ихъ помѣщаютъ. Такою намъ ся выдала оная въ 57 ч. Слова надписана: „Къ исторіи религійного фанатизма". Перечитавши ю, казалося намъ, якобы пишучій ю хотѣлъ собѣ зашутити съ своими читателями — забувъ, що святû рѣчи треба свято трактовати. Пустити шутку въ свѣтъ нынѣ не трудно, но при пустившôмъ остаеся прегрѣшенье противъ достоинству человѣка и ближнихъ, котре одолжае человѣка пôзнану правду говорити, запрещае о кимсь ложно судити, и другихъ въ блудъ вводити. Если бы тіи не покликанû на поле богочестія писателѣ, перечитали собѣ — по крайнôй мѣрѣ осужденье писторійскихъ положеній наведене въ послѣднôмъ числѣ Сіона (ст. 350.) дôзналибыся, що по духу набоженьства до св. Сердца Іисусового, одобреного Апостольскимъ Престоломъ — „вѣрнû не покланяются томужь *съ отлученьемъ* або отсѣченьемъ ôтъ божества, но покланяются ему о *скôлько есть сердцемъ Іисусовымъ*, т. е. *сердцемъ лица Слова, которому есть неразлучно соединене*, на той спосôбъ, въ якій безкровное тѣло Христа въ тридни смерти безъ отлученя и отсѣченя ôтъ божества покланяемое було въ гробѣ." Истинно, що въ тôмъ оминаню пôзнаня правды есть не много щось злобнѣйшого ôтъ фанатизма. А правду, хотьбы и зъ такъ упослѣдженого Сіона, стоитъ трудно пôзнати.

5. Вину измѣны, латинизаціи, неоднообразности нашого обряда многû видятъ въ Уніи, и по той причинѣ чуютъ жаль до ней, и до ей авторôвъ. Вгляньмо по скуднымъ силамъ близше въ той вопросъ. Намъ кажеся, що неоднообразность походитъ по бôльшой части изъ нерадѣній, съ якимъ нещастно многû священники-наемники исповняютъ церковнû должности, изъ незнакомости, або фалшивого пониманя нашого обряда, що часто наветъ у Высокихъ можь зауважати, изъ индивидуальности, властивои бôльше-меньше кождому и бути може изъ характера властивого Грекамъ, которû извѣстно: sine lege vagantur. Діакону, просячому, въ время одной торжественной литургіи благословенія къ благовѣщеню св. Евангелія, которе на той день припадало — отъ Луки — гукнувъ въ слухъ всѣмъ торжествуючій іерей „Луку", а наколи благовѣститель певный своего мнѣня, воспѣвъ „благослови Владыко благовѣстителя... Луки" одержавъ прежде благословенія положеного въ Служебнику окремѣшне сформоловане въ клясичныхъ изреченяхъ — „о, лепакъ, д... не умѣе отмѣняти" и абіе: „Богъ молитвами св. Апост. Евангелиста Луки..." Поминувши греческій оригинальный текстъ, где выразьно стоитъ (τοῦδε), уже самъ славяньскій контекстъ есть довольно ясный, щобы кождого мыслячого, доброй воли, и мирного убѣднти о слушности на той разъ по сторонѣ діякона, и устранити на будуче подобніи неумѣстности, нещастно такъ частû и соблюзняючû.

Познавши причины, легко буде злому коренно зарадити. Будутъ священники званû — съ посвященьемъ и помазаньемъ, обученû точно въ всѣхъ священнодѣйствіяхъ, и послушнû въ всѣмъ одной матери церкви, буде и однообразнôсть. Латинизаціи властивой, правильно заведеной въ нашъ обрядъ, мы не находимо ніякой. Суть ли якû налетѣлости,

полонисмы, латинисмы, то случайнѣ, приватнѣ, неправнѣ. Согрѣшивбы противъ правды, ктобы твердивъ, що нашъ обрядъ въ чôмъ естественнôмъ ставъ златинизованый. Властивый его характеръ есть цѣлый, не нарушеный, древный. Що належалобы переняти ôтъ латинянъ: то опрятнôсть, ладъ и порядокъ. Пôдъ часъ бо, коли у нихъ и въ найубожшихъ храмахъ заявляеся всюды мысль, вкусъ, охарнôсть, у насъ и при найлучшихъ средствахъ — „*запустѣнїе запустѣнїя*“ въ малыхъ и великихъ рѣчахъ — наветъ опредѣленыхъ найблизше до безкровной Жертвы. Бѣлизна брудна, помята, обрусы повалянѣ, илитоны, ручники зелено-жовтѣ, на олтарѣ ани одной восковой свѣчки, чаши вытертѣ, дискосы повыгинанѣ, ампулки побитѣ, вино лихе и скудне, служебники подертѣ, ризы дѣравѣ. Що не пересаджаемъ, признасть каждый, кто бувъ принужденъ правити въ нашихъ наветъ городскихъ церквахъ. Ладъ, порядокъ, чинъ, програма, суть то рѣчи Русинамъ чужѣ, а такъ вредливѣ достоиньству нашого обряда, пользѣ душъ, и самымъ служителямъ. При доброй воли далобы ся тое общое зле безъ великихъ трудностей истребити. Хотячому бо ничо трудного. Яко примѣръ моглобы послужити устроенье закристіи при церкви св. Духа въ Львовѣ.

Измѣны, въ обрядѣ нашôмъ съ часомъ заведенѣ, не всѣ суть загальнѣ, основнѣ, узаконенѣ; не такъ великѣ, неумѣстнѣ, нерозумнѣ якъ собѣ ихъ гдекоторѣ представляютъ. Причины ихъ внутреннѣ: право всякого розвоя, доказъ животности, судьба рѣчей людскихъ. До внѣшныхъ числимо: вліянье тенденційне польскихъ патріотôвъ на темныхъ, раболѣпныхъ, честолюбивыхъ нашихъ попôвъ, потребы времени, мѣстцевости и вѣрныхъ, ложно понимане право звычаю, заведеного найчастѣйше нерозумною самоволею и ненормальный станъ нашого обряда послѣдовавшій Уніи. Часто случаеся слышати и читати жалобы на Синодъ Замойскій, Постановленя Епископôвъ Римскихъ и розпоряджения нашихъ Владыкъ яко внѣшныхъ виновникôвъ измѣнъ обговорываемыхъ. Жалобы подобніи не суть полно слушніи. Синодъ Замойскій неизмѣнивъ вещественно въ ничêмъ обрядъ греческій, застосовалъ го лише въ кôлькохъ случаяхъ до нашихъ обстоятельствъ, и то съ всемъ розсудно. Папы якъ наставали такъ и настаютъ въ своихъ Посланіяхъ Окружныхъ на чисте сохраненье восточныхъ обрядовъ. Противное трудно бы було довести. Розпоряджения областніи не суть докладнѣ — певнѣ, общеизвѣстніи, нормальнѣ, и протое судъ о нихъ трудный.

Многѣ бути може зъ чистой, правой, слушной любви къ греческому обряду стараются тіи измѣны исправити, но поступаютъ къ той цѣли блуднымъ путемъ, принимаючи за образъ обряды и звычаи руской несоединеной церкви — не зважаючи на тое, що тіи суть бôльше нежели нашѣ ôтъ оныхъ употребляемыхъ въ древнôмъ Цареградскôмъ Патріархатѣ ôтдаленѣ. Будь що будь поодинокимъ ôтъ принятыхъ обще звычаѣвъ ôтступати не вôльно, нужно застосоватися до практики головной (престольной) церкви; право дѣлати благопотребніи исправленя прислугуе лише Апостольскому Престолу, або за его одобреньемъ провинціональному синоду. Що св. Престолу ходитъ о чистôсть восточныхъ обрядôвъ доводомъ, межи многими инными — Заведенье для Грекôвъ и Русинôвъ при церкви св. Атанасія въ Римѣ, основане Григоріемъ XIII. для сохраненя вѣдомостей и обрядôвъ греческихъ. Ново-

построеный реченый храмъ мôгъ бы бути образцемъ стиля бизантій-ского. И зъ тамтого то чистого жерела должнибы черпати нашй обрядовци якъ и внутренну догматичну правду, такъ и внѣшну обрядову лѣпоту нашой св. вѣры. Що же касаеся Синода, то не знати кому приписати вину его неосуществованяся. Якъ долго будемо мусѣли ждати на тое такъ коньче потребне нашой церквѣ Собранье, годѣ предвидѣти. Бути може, що не безуспѣшнымъ сталобы довременно стоваришенье людей знатокôвъ и любителѣвъ восточныхъ обрядôвъ, котрй бы на пôдставѣ книгъ церковныхъ и науковыхъ выпрацёвали и предложили къ одобреню церковнымъ властямъ певный, розумный, докладный, общій Типикъ, который бы точно обучавъ служителѣвъ престола въ всѣхъ священнодѣйствіяхъ и одолжавъ до совѣстного и полного соблюданя въ малôмъ и великôмъ приходячихъ въ роцѣ обрядôвъ. Дѣло тое не есть менше важнымъ ôтъ иншихъ, которыми занимаются взглядні „анкеты“. Найскорше по нашому мнѣнію всказана цѣль далабы ся осягнути посредствомъ академіи церковной, о потребѣ которой и можливости у насъ мы уже напомнули. Доки однакожь тое не вѣнчаеся успѣхомъ, и найвѣроятнѣйше слушне власне мнѣнье подобае пôддати общому звычаю. Най повелѣвае кто може, най слухае кто долженъ.

6. Литаратура нашой Исторіи церковной взбогачаеся постоянно, утѣшительно, полезно трудами ученыхъ розличныхъ народностей и становъ (Lämmer, Guepin, Пелешъ, Załęski, Бартошевичъ, Ликовскій, Шараневичъ.) Въ всѣхъ тыхъ творахъ похвалы достойна права цѣль, въ якой стали пôднятй — и узнаня труднй изъслѣдованя, нужнй въ дотеченію завилой правды; однакожь съ малыми изятіями не суть то дѣла „до девятого тисненй года“, не суть всегда основнй, стислй, предметовй, свободнй ôтъ личныхъ, народныхъ, кастовыхъ пристрастей, предубѣдженій, стремленій. Рускй архива, кажеся, много достарчили матеріалу О. Ликовскому и его розсудителямъ. Подлинники потребнй до высвѣченя послѣдного паденя Уніи въ Холмской Епархіи вѣдай съ всемъ не увзгляднені. Гдекоторй „примѣчаня“ занадто доводятъ, отже ничого не доводятъ. Если бы употребленье нашими церковныхъ книгъ, образôвъ, медаликôвъ издаваныхъ несоединеными, було доводомъ приклонности разколу, то римска церковь не соизволяла бы на уживанье въ школахъ протестантами издаваемыхъ пôдручникôвъ св. Писаня, въ греческихъ церквахъ шизматиками печатаныхъ церковныхъ книгъ. Но позваляе. Отже:

7. Отъ Запада веселй новины. Желѣзна воля нѣмецкого Канцлера гнеся на римскôмъ „не возможно“, опертôмъ на почутю божеской поваги. Торжественна побѣда церкви здаеся бути не далека. Може бути мы будемо мати новый наочный доказъ вызшой силы, адовимы вратами неодолѣемой, властивой царству божому на земли. Приклонникамъ систему народныхъ церквей, долженъ особенно той доказъ послужити до убѣдженяся о правдивости единой римской церкви. Коли бо тая лишена всякой помочи мірской, веде истинну борбу съ княземъ міра сего, осуждае смѣло заблудженя времени, пригадуе царямъ земскимъ отвѣчнй законы правды; оніи пособствованй сильнымъ раменемъ своихъ правительствъ оказуются въ дѣлѣ безсильними выступити противъ злому тлѣющому корень животный убожаемой державы, ôтъ существованя

которой, ихъ существованье тѣсно зависло. Яка то потѣха для сына католической церкви, тое право исторіи, по котрому всѣ важнѣйшіи нроизшествія ôтносяться къ тріумфу его матери церкви; съ восторгомъ повторитъ онъ неразъ съ поетою:

Красна, безсмертна, благодѣйна вѣро,
Торжествовати навыкша
Пиши такожь сіе, веселися,
Що на неславу Голготы
Высокôсть найгордѣйша
Николи невгнулася. (Manzoni.)

ДОПИСЪ.

Отъ Снятына.

Осмотръ каноническій, который тек. года придпринимають Ихъ Высокопросвященьство Митрополитъ К. Іосифъ, розпочався отъ 8. Мая блестательнымъ входомъ въ городъ Черновцѣ, которого наочнымъ бувъ я свѣдкомъ. Якъ уже читалисьмо въ часописяхъ, кôнчився на Буковинѣ 28. Мая а ôтъ того дня розпочався въ деканатѣ и Староствѣ Снятыньскôмъ, где продолжався ажь до 18. Черв. 1880. Хотяй о цѣлую добу скорше якъ означено було, въ Снятыньскій повѣтъ завитали, то однако найшли Они, переѣжджаючи черезъ городъ Снятынъ, незбитй доказы высокого почитаня, обявы радости отъ всѣхъ вѣроисповѣданій и сословій имъ щиро оказанй, ибо майже все що жило въ Городѣ выступило на Ихъ встрѣчу стройно, торжественно, почавши отъ Старосты, Маршала Рады повѣтовой; городска репрезентація, духовеньство всѣхъ трохъ обрядовъ съ крестными походами; Репрезентація Рады Школьной окружной, учителѣ, школярѣ, евреи съ тойрою — словомъ: тысячи и тысячи народа; и чего? щобы хотяй на хвилю увидѣти лице Высокопреосвященьства и удостоитися Архипастырского благословеня, о которе благородный предсѣд. Рады повѣтовои бар. Янъ Капри хорошими и сердечными словами вытаючи Ихъ Выс. Пр. упрашавъ. Въ кождôмъ приходѣ старшина громады вытала Ихъ Высокопресв. хлѣбомъ и солею, съ отвѣтными, простымъ але щирымъ словомъ высказаными промовами; найкрасшу промову, говоривъ селянинъ, простый хлопъ въ приходѣ Устю надъ Прутомъ, а такъ хорошу содержаньемъ, що ему удачи не оденъ образованый могбы позавидувати (подавъ ею въ дословнôмъ ôтписѣ Ихъ Высопр.). Коротенько забавили Ихъ Выспреосв. 28. Мая въ Снятынѣ, бо спѣшили на нôчь до прихода Заваля, ôтъ которого по ряду означенôмъ осмотръ каноническій розпочатися мавъ. Мимо того, що пôзною ночею наспѣли въ Завалю, мѣстцевй селяне и духовеньство ждали пріѣзда всемилого Высокого Гостя, и съ радостными воскликами вытаючи Архипастыря и на колѣнахъ припадаючи просили о благословенье. Всюда въ 22 приходахъ дек. Снятыньского, торжественно радостно, щиро, принимали духовеньство и вѣрнй своего Архипастыря — всюда тріумфальнй брамы хорошо устроенй, народъ одѣяный святочною одежію, молодцѣ на коняхъ съ хоругвками народныхъ

красокъ, а дѣвчата цвѣтами и позолочеными вѣнцями стелили дорогу пôдъ ногами Ихъ Высокопреосвященьства. Во всѣхъ приходахъ вѣрнй дуже численно совершали св. Исповѣдь, щобы статися достойными благодати совершенного Отпуста, который на день посѣщеня Архипастырь въ кождой церквѣ всемилостивно надавали — були приходы и мѣстцевости, где до принятія Святой Тайны Евгаристіи припадали бôльше 1000 душь; по 600 и 400 душъ кождого дня высповѣданыхъ и запричащаныхъ, то цифра була нормальна. Числилисьмо совѣстно, що були приходы, где Ихъ ВПр. своею рукою даже по 200 самй запричащали; а коли Ихъ ВПреосв. проповѣдали святую науку, то народы одержали Ихъ такъ, що тяжко було дотиснутися до Нихъ, слухаючи побожно, и вытревало три и бôльше годинъ наставленя ВПреосв. Владики князя, забуваючи на пищу; а коли ôтпущенъ бувъ народъ то не розходився до дому, но ждавъ, щобы Возлюбленого Архипастыря отъѣжджаючого въ иншій приходъ выпровадити; и увѣрте, були мѣстцевости, где народонаселенье, не юноши на коняхъ, не сама молодежь, але женщины и старшй поважнй мужи, позабувши о своимъ вѣку, а одушевленнй щиростію, почитаньемъ и загрѣтй любовію перебѣгали при повозѣ Архипастыря бôльше пôвмилевой пространи ôтъ громади до громады, якъ зъ Белелуи до Красноставецъ и до Руссова и Стецевы; зъ Устя, зъ Тулова, Волковецъ до Орельця, зъ Тучапъ до Попѣльникъ, и непомагали просьбы, щобы ся вернули до дому; такъ часто конечно треба було повольно ѣхати, абы задышаный громадно бѣжучій народъ ôдôтхнувъ. О принятію въ домахъ не будемъ Вамъ доносити, бо извѣстно всякому народна наша честнота гостепріемства — а особенно для такъ милого, кроткого Возлюбленного Отца Архипастыря — радбы кождый якъ найлучше все уладити. Пôднести однакожь належитъ, що помѣщики нашой окрестности радо бы були приняли такъ высокого гостя въ своихъ домахъ, но Ихъ ВПреосв., въ подражаню достойной скромности и любви къ своимъ, волѣли умѣститися въ дому приходскôмъ и подѣлити ся пищею таковою, на яку насъ стало; однако не ôтказувалися тамъ, где видѣли, що щире и истинне почитанье Ихъ Высокой Личности поводовало помѣщика, просити Ихъ въ домъ свой. Такъ н. пр. приняли благосклонно обѣдъ у благородного патрона Волчковецъ бар. Іоана Капри, при которôмъ кромѣ 18 собравшихся священникôвъ нашого и сусѣдныхъ деканатôвъ, репрезентація всѣхъ властей и 4 помѣщикôвъ Снят. повѣта сердечно були угощенй. Словомъ не було и малѣйшой капеляніи, где бы не було принятія оказалого; выстрѣли моздѣрей розлягалися громко, а народъ той трудолюбивый хлѣборобъ, мимо що то пора наглячой роботы (сапаня кукурузы), залишивъ роботы, замикавъ свои обиталища, замикавъ худобку на обôйстю, а забираючи и дробненькіи дѣточки съ собою, спѣшивъ слухати Слова Божого, Слова правдивой мудрости изъ устъ Архипастыря нашого, наслѣдника Апостолôвъ. Многй равнодушнй сталися ревными христіянами, многй заблудженй грѣшники и грѣшницѣ, слухаючи исправительного наставленя, покаявшися, слезами жалю обливали лиця свой; съ правдивою покорою уцѣловали нозѣ Ихъ ВПреосв., обѣтуючи вѣрно служити ажь до смерти Богу — многіи найзавзятійшй противники помирилися съ собою, а загалъ населеня, якъ съ слезою радости витавъ при входѣ въ предѣли свои Ихъ

Высокопреосв., такъ съ слезою туги, жалю выпроваджувавъ Милого Гостя.

Послѣднымъ приходомъ дек. Снятыньского до осмотра канонического бувъ городъ Снятынъ. Уже 16. веч. изъ прихода Стецева о 1½ милѣ ôтъ Снятына ôтлежачого, сверхъ 30 молодцѣвъ на коняхъ съ хоругвками, и численне священьство на подводахъ своихъ, впровадило Ихъ ВПреосв. въ городъ Снятынъ, где прехорошо устроена брама триумфальна уставлена, при которой всѣ репрезентаціи властей мірскихъ въ полныхъ офиціальныхъ униформахъ, всѣхъ обрядôвъ духовеньство съ крестными походами, все народонаселенье ôтъ мала до сѣдоглавыхъ старцѣвъ, съ музикою витали ВПреос. Архипастыря. Они благоволили поступити въ дочерную церковь св. Тройци, и по ôтправѣ молебна удалися съ спроводомъ процесійнымъ въ домъ приходскій, где принимали ôтъ репрезентаціи всѣхъ властей и сословій представленя. На дни 17. Червця определили Ихъ ВПреосв. совершити довго, бо до 70 лѣтъ ожиданое священодѣйствье, посвященье и заложенье угольного камѣня пôдъ новосоздатися маючую церковь прихода Снятыньского. Мимо того що 16. Черв. зачавъ падати дощъ и еще 17. Черв. неперестававъ, множество народа собралося рано въ церквѣ Вознесеня, где Ихъ ВПреосв. совершили св. Литургію читану, по которой дек. Снят. съ мѣстодек. Лукашевичемъ и Іос. Проскурницкимъ, и съ діаконами совершивъ свят. Литургію торжественно. Отвѣтну торжеству и хорошу, основно обдуману проповѣдь державъ преч. Михаилъ Мысула капел. Руссова, при которôмъ богослуженю пѣвческій хоръ гг. питомцѣвъ гр. к. семинаріи львôвскои, нарочно до того торжества за соизволеньемъ Ихъ ВПреосв. упрошеный, изъ 11 лицъ самыхъ отличныхъ, рутинованыхъ, изъящними органами пѣвческими обдареныхъ, прехорошимъ изъящнымъ пѣньемъ, возвеличивъ торжество, и пôднêсъ красоту нашого святого обряда. Вся интелигенція обоего пола, не зважаючи на непогоду, придивлялася и насолоджалася хорошимъ пѣньемъ нашихъ питомцѣвъ. По св. Богослуженю въ церквѣ совершеннôмъ небо розоблачилося, дощъ переставъ, и великаньскій крестный походъ, совокупленый изъ трохъ катол. обрядôвъ двигнувся изъ церкви Вознесеньскои на площадь св. Михаила, среди города положеного, где Ихъ ВПреосв. въ асистенціи Впр. крил. Готеровского и вицеректора Семинаріи Александра Бачиньского и численного духовеньства совершити благоволили священнодѣйство посвященя краеугольного камѣня; а совершили тое св. богослуженье съ такимъ поважнымъ, созидательнымъ богоговѣньемъ и оказалостію, що тысячѝ народа придивляючися сему обряду, и прислухуючися Ихъ моленямъ, на колѣна припадаючи благодарили со слезами Бога, що имъ дозволивъ дôждати той многоожиданой хвилѣ, видѣти очима своими ВПреосв. Архипастыря, исполняючого священнодѣйствье, и даючого начало до созданя храма Божого. При укôнченю священнодѣйствія зъ на пôдвыжшенôмъ мѣстци поставленои мовницѣ державъ мѣстц. сотр. Пр. Теофиль Кобриньскій, отвѣтну а дуже хорошу, основну и чувствительну проповѣдь, которой цѣле безчисленне собранье съ напруженою увагою слухало; поблагодаривъ изъ щирого сердця Ихъ Впреосв. за ихъ пôднятѝ труды, загрѣвъ сердця вѣрныхъ до ревности и жертвы на цѣль такъ взнеслу, такъ що заслуживъ сей молодый нроповѣдникъ

собѣ на узнанье Ихъ ВПреосв. По окôнченю богослужений многолѣтствье хорошого хора питомцями поеме, наповняло городъ радостію, а походъ крестный двигнувся до костела Ормень. и Лат., где оба пароxи Ихъ Высокопр. по ôтправленю молебна кождый въ своимъ костелѣ, словами щирими благодарили, потомъ вернули опять въ домъ приходскій на обѣдъ, при которôмъ начальники властей участниками були. Слѣдуючого дня 18. Черв. переведенъ и окôнченъ осмотръ каноническій въ Снятынѣ. Вечеромъ Ихъ ВПреосвящ. сопроводженй деканомъ Снятыньскимъ и наспѣвшимъ въ Снятынъ дек. Жукôвскимъ переѣхали въ дек. Жуков. где теперь осмотръ каноническій продовжаеся.

Будучи купно съ Впр. мѣстодек. Святынь. Іоаномъ Лукашевичемъ ôтъ 27. Мая (бо уже въ Коцманѣ на встрѣчу Ихъ ВПреосв. туда выѣхалисьмо) постоянно майже що дня, при осмотрѣ каноническôмъ мали мы случайнôсть придивити ся зъ близости тымъ великаньскимъ трудамъ, которй пôднимали Ихъ Высокопреосв., и прислухатися наукамъ божественнымъ высокой мудрости, которй съ ревностію истинно апостольскою проповѣдуютъ, а видячи наочно плоды тыхъ трудôвъ уповажненъ есмь именемъ цѣлого духовеньства и вѣрныхъ деканата Снятыньского заявити искренне благодаренье и щиросыновске послушеньство Ихъ ВПреосв., и неперестанемъ поколь жіемо, щирымъ сердцемъ молити Всевышняго Бога, да укрѣпитъ Господь Богъ въ здоровю, и удержитъ въ всякôмъ благополучію и благоденьствію, для блага святои катол. церкви и спасеня вѣрныхъ, Высокопреосвященого Архипастыря Митрополити Кvръ Іосифа на Многая·Лѣта!

М. Коржиньскій.

ВѢСТИ ЕПАРХІЯЛЬНИ.

Изъ Аепархіи Львôвской.

Принятй до пропизиціи на пар. *Раковецъ* дек. Богород. Вс. ОО.: Порф. Руденьскій, Алекс. Заклиньскій, Скоробогатый Емануилъ, Ром. Добряньскій, Евст. Цурковскій зъ Маріямполя, Ев. Сѣмевовичь, Іоанъ Шихъ, Мих. Руденьскій. — На пар. *Виноградъ* декан. Тысьмянецкого Теоф. Бородайкевичь; Титъ Яворовскій, Пав. Майковскій, Марк. Соневицкій, Анд. Яворскій зъ Тухлѣ.

Презенту получивъ на пар. Княжолуку Вч. О. Мих. Вагилевичъ.

Завôзваный до институціи Всч. О. Теодоръ Величковскій на пар. Вишнёвъ дек. Журавен.

Дутпастырску посаду получивъ Всч. О. Іос. Цегельскій сотруд. въ Сасовѣ.

Введенй въ дутпастырство Всч. ОО.: Евг. Левицкій сотрудн. въ Гостовѣ; Волод. Брылиньскій сотр. въ Нараевѣ; Изид. Лукасьевичъ зав. въ Розгадовѣ; Ант. Билинкевичъ зав. въ Знесеню.

Именованй: Всч. ОО.: Левъ Шанковскій дѣйствит. дек. Стрыйскимъ; Ник. Устіяновичь вице-деканомъ Буковиньскимъ.

Получили соизволенье пôддатися испытови конкурсовому Всч. ОО.:

Іоа. Стоцкій, Вол. Глиньскій, Іоа. Токарь, Викторъ Чаплиньскій, Іоа. Черепашиньскій, Аполин. Филиповскій, Теод. Дикій, Тим. Кекишь, Мел. Дзеровичь, Мелет. Лотоцкій, Ем. Яворовскій, Іоа. Сподарикъ, Іоа. Щуровскій, Иляр. Алексьевичъ, Діон. Бачиньскій, Алекс. Темницкій, Юліянъ Войнаровскій.

Личный додатокъ получили Всч. ОО.: Мих. Зельскій, Іоа. Кучиньскій, Никол. Винницкій, Антоній Струтыньскій, Іоа. Ярымовичъ, Мих. Вагилевичъ.

Пенсію дефиціента получивъ Всч. О. Ант. Максымовичъ.

Упокоивъ ся Всч. О. Іоанъ Лукавецкій пар. Гарасимова дек. Жуко̂вского. Вѣчная Ему память!

Зъ Епархіи Перемыскои:

Душпастырскі̂ посады получили Всч. ОО.: Михаилъ Кручковскій пар. сотруд. въ Судовой Вишни того дек. сам. сотруд. въ Речичанахъ того дек.; Анатолій Сѣнкевичь пар. сотр. въ Сосницѣ дек. Перемышльского, сотр. Судовой Вишнѣ того дек.

Презенту получивъ Всч. О.: Теодоръ Дорыкъ кап. въ Грозьовой дек. Жукот., на пар. Ветлинъ дек. Ярослав.

Припущеный къ испыту конкурсовому Всч. О.: Андрей Чарнецкій пар. сотрудникъ въ Каменцѣ лѣсной дек. Потелицкого.

Исправленье ошибокъ въ Ч. 11.

Стор. 346 ст. 6 зъ горы, мае бути: придане було, вмѣсто: предане було.

Стор. 346 ст. 14 и 18, и стор. 347 ст. 2 зъ горы, мае бути: схизма, вмѣсто: шизма.

Стор. 346 ст. 4 зъ долины, мае бути: вѣденьско̂мъ, вмѣсто: вѣдеяьско̂мъ.

Стор. 348 ст. 12 зъ дол. мае бути: на мысли, вмѣсто: на мыслы.

Стор. 349 ст. 14 зъ долины, мае бути: розумѣти, вмѣсто: зрозумѣти.

Выдае и отвѣчае за редакцію: **Александеръ Бачиньскій.**

Зъ друкарнѣ Товариства имени „Шевченка“ — по̂дъ зарядомъ К. Беднарского.